

МАНЬЯК МЕЖ ДУ СТРОК

Татьяна Шахматова

Филологическое расследование

Татьяна Шахматова
Маньяк между строк

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шахматова Т. С.

Маньяк между строк / Т. С. Шахматова — «Эксмо»,
2019 — (Филологическое расследование)

ISBN 978-5-04-100430-9

Казалось бы, ничего страшного, если на тебя написали жалобу. Чиновники положат ее в долгий ящик и вскоре забудут. Но один из борцов за справедливость таким положением дел остался не доволен и решил собственноручно вершить суд. Серия убийств шокировала маленький городок. Выяснить, кто скрывается под маской маньяка-правдоруба, предстоит эксперту-филологу Виктории Берсеневой и ее племяннику Саше. Найти среди сотни тысяч жалоб именно те, что написаны убийцей, задача не из легких. Особенно если попутно приходится вести другое дело – спасти репутацию популярного блогера...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-100430-9

© Шахматова Т. С., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Благодарности	6
Глава 1. Любовный напиток	7
Глава 2. Опасные селфи, или Не все ангелы одинаково полезны	11
Глава 3. Глупая сова	18
Глава 4. Просто процедура	24
Глава 5. Сирены наших дней	27
Глава 6. Утро красит нежным светом	34
Глава 7. Буря в миске каши	37
Глава 8. Парцелляция	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Татьяна Шахматова

Маньяк между строк

© Шахматова Т.С., 2019

© Оформление. Я. Паламарчук, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Благодарности

Мне вряд ли удалось бы написать эту книгу, если бы не консультации замечательного адвоката Евгения Архангельского, если бы не наше с ним давнее профессиональное сотрудничество, незаметно для нас самих переросшее в долгую дружбу, и если бы не бесконечные зимние вечера в городе Тольятти, где так мало занятий, что собираться вместе, рассказывать реальные истории из своих практик и придумывать, как их можно уложить в детектив, – лучшее совместное времяпровождение. Несмотря на мрачноватый колорит романа и определенное сопротивление материала, которое я испытала, взявшись за вопросы, поднятые в этом тексте, история рождения его замысла, пожалуй, одна из самых легких и захватывающих благодаря твоему, Женя, профессионализму и мастерству рассказчика. Спасибо за эту интеллектуальную радость совместной работы!

Особо благодарю замечательного практикующего врача-психиатра и коллегу по писательскому цеху Максима Малявина. Его профессиональные, точные указания и советы послужили научной основой этой книги, помогли раскрыть характеры и выстроить сюжет. Благодаря нашим личным беседам, а также легкой и доступной манере изложения в его книге «Психиатрия для самоваров и чайников» и в «Блоге добрых психиатров» в «Живом журнале» я смогла ощутить достаточную уверенность, чтобы взяться описывать столь сложную и противоречивую проблему, как душевное нездоровье и его отражение в речи. Спасибо вам, дорогой Максим, за то, что бережно и грамотно проводили в тот мир, который скрыт от большинства обычных людей без специального медицинского образования и часто оказывается вовсе вычеркнут из поля нашего зрения.

Глава 1. Любовный напиток

Две чайные ложки кофе с горкой на кружку средних размеров, залить крутым кипятком, яростно взболтать, пить залпом, без сахара, молока и прочей девичьей хрени.

Макс Фрай. «Кфейная книга»

Она сделала пару шагов назад и уперлась попой в подоконник. Горько вздохнула:

– Это звучит нездорово, – ее огромные зеленовато-серые глаза смотрели на меня в упор.

Она нетерпеливо качнула головой и повторила по слогам:

– Не-здо-ро-во.

Потом собрала одной рукой свои роскошные рыжие локоны и, ловко сдернув с запястья резинку, похожую на перекрученный провод, связала волосы узлом и отвернулась к окну, демонстрируя, что разговор окончен.

Вернувшись домой, я застал там еще одно послание, тоже означавшее жесткий отказ договариваться о чем бы то ни было. «Отвали, сволочь!», словно говорили содранные с крючков занавески и гардина, вставшая на дыбы и перечеркнувшая окно в наглом нацистском приветствии.

Казалось, что в квартире я совершенно один: ни шороха, ни вдоха. Но это было, конечно, не так. Враг затаился где-то в недрах дивана или восседал в гнезде из моей одежды в шкафу, куда проник, подцепив на специально заточенный для такого случая коготь расшатанную его же стараниями дверцу старой хозяйской стенки.

– Филипп, выходи, черт бы тебя побрал!

Реакции не последовало. Про черта я вспомнил напрасно. На лукавого вряд ли стоило всерьез надеяться, кажется, мой черношерстый бандит приходится ему самым ближайшим родственником.

В щели между дверцами платяного шкафа появился круглый желтый глаз, сверливший меня с энергией электродрели.

– Если это твоя очередная акция протеста, то я откручу тебе голову!

Не обращая внимания на оборонительное шипение, я извлек Филиппа на свет божий, но, к счастью, следов протестной деятельности в шкафу не обнаружил. Видимо, там он просто спал после удачно проведенной акции по подрыву оплота мещанства – окна с занавесками. Ведь всем известно, что мещанство – самый древний враг кошек. Шутка ли, одомашнили такого дикого зверя!

Этого вечно несогласного борца за право кошек гадить хозяевам правильнее было бы назвать именем какого-нибудь прославленного революционера: Нельсон Мандела вполне бы подошел. Но его родная хозяйка за политикой не следила, историей не интересовалась, поэтому выбрала животному имя в честь короля российской поп-музыки. Впрочем, некоторое сходство наблюдалось и здесь: как и знаменитый певец, мой Филипп оказался мастером скандала, хайпа и при этом умудрялся выходить сухим даже из самых сомнительных историй, способных подмочить любую успешную репутацию. Но только не репутацию Филиппа. Вот и сейчас он зажмурился и так натурально поджал ушки, что, если бы рядом оказался зоозащитник, меня безоговорочно оштрафовали бы за жестокое обращение с животными.

Я повернул его плоскую, похожую на змеиную головенку в сторону окна:

– Кто это сделал?

– Мая. – Мой персональный оппозиционер даже нашел в себе силы посмотреть мне в лицо.

В литературе такое положение, как у меня сейчас, называется низшей точкой сюжета, когда хуже уже некуда, и надо либо прилагать титанические усилия и как-то выбираться, либо сдаваться и выходить из игры. Как бы то ни было, срываться на животном, хоть и провинившемся, – последнее дело, поэтому кота я отпустил и отправился на кухню, чтобы сделать передышку и сварить себе кофе.

Кстати, с кофе все и началось.

В каждом языке есть остатки старых убеждений, которые мы не спешим искоренять. Все мы знаем об открытии Коперника, но продолжаем говорить, что солнце садится и встает, хотя, конечно, прекрасно понимаем, что именно Земля наворачивает ежедневные круги вокруг своей оси и ежегодные – вокруг дневного светила. Мы говорим, что наши пути как параллельные прямые, хотя это неоднозначное утверждение в свете того, что после Эвклида был Лобачевский. Но кому дело до Лобачевского, если наш мозг любит жить в привычной классической картине мира, пользоваться устаревшими сравнениями и быть счастливым в уютных и понятных категориях.

Нормальная ситуация. Во всяком случае, мне точно не хотелось бы произносить что-то вроде: «Земля сделала оборот вокруг своей оси, и Солнце пересекло линию горизонта, встав в положение закат».

Кофе – это из той же серии. Кофе – напиток любви. Да, кофе, а не красное бордо, как утверждает Доницетти, и не загадочный эликсир, которого хлебнули несчастные Тристан с Изольдой, после чего оба трагически ушли в мир иной во цвете лет. Видимо, та еще была гадость.

В наше время все начинается с кофе: и утро, и отношения. Пригласить на кофе – любовный мем, который стал предвестником половины всех романов на планете, включая те, которые закончились созданием шедевров современного искусства или убийствами с особой жестокостью. Первый совместный кофе сравним с отправным причалом будущего плавания, с пусковым механизмом, с зачатием.

Кстати, как и зачатие, кофе – не всегда самоцель. Делайте что вам по душе: напивайтесь в ближайшем пабе, запекайте яблоки в карамели, гоняйте по бумажной коробке склизкую лапшу с черными сальными ушками древесных грибов – спорная тема для первого свидания, но почему нет? Можно отправиться сразу в постель, если обе стороны против излишней метафорики. Но хотя бы упомянуть о чашечке кофе просто необходимо – это азбука. Правда, только не в том случае, если приглашаешь на свидание филолога, пусть даже и недоучившегося.

– Кофе что-то из серии «недо»: и не комплимент, и не «обещание золотых гор», и не «я – лучший», – проговорила огненноволосая тоненькая Геля, хмурясь и напуская суровый вид. В сочетании с ямочками на щеках ее строгость и эта напыщенная барби-фраза смотрелась комично, как будто понарошку. Я понял, что она не шутит и даже не особо кокетничает, только когда ее твердый, как карандаш, палец уперся мне в живот: «Я тебя услышала, но для тебя конкурс на вакансию прЫнца завершен». Добила, чтоб не мучился.

Затрещал скайп. Глупое сердце подскочило и пропустило пару ударов. Звонила, конечно, не Геля и даже не «Фольксваген Джетта», про «Джетту» чуть позже, потому что это тоже важная составляющая моей низшей точки... но сначала нужно было ответить на звонок.

Звонила моя тетка Виктория.

Вике тридцать четыре. Пару недель назад она рассталась с канадским миллионером¹ и уже три дня как уехала, не сказав куда. А еще она филолог, эксперт, но это в данный момент менее важная характеристика.

---

¹ Подробнее об этом читайте в романе Т. Шахматовой «Убийство онлайн».

– Ты где? – поинтересовался я, как только прекратились соединительные шумы и установилась картинка.

Картинка была странной.

– В Караганде, – ответил голосом Вики какой-то японский чувак, который удил рыбу и лыбился, как Прохор Шаляпин при виде очередной богатой бабушки.

– Ты забыла дома телефон и компьютер... Где тебя вообще носит? – проговорил я почти спокойно, лишь слегка намекая интонационными средствами на то, что она меня подставила. Слава богу, что мои мама и бабушка, по совместительству приходящиеся этой наглой красотке сестрой и мамой соответственно, живут в пригороде и звонят не каждый день, иначе мой мозг давно напоминал бы безжизненный атолл посреди океана. Только если на мертвый риф жизнь теоретически может вернуться, то с нервными клетками этот фокус, к сожалению, не прокатывает.

– Ты старше меня на двенадцать лет, но ведешь себя как будто наоборот!

Японец улыбался и по-самурайски помалкивал.

– Если ты собиралась делать харакири, – продолжал я, обращаясь к дурацкому японцу, – или что-то в этом духе на фоне неудач в личной жизни и этой сомнительной шелкографии, то не забудь оставить завещание на квартиру в мою пользу, а то у нас с тобой наследование не прямое, придется кучу налогов платить. А на фирму – дарственную. Это, кстати, можно и при жизни. Ты все равно ею почти не занимаешься.

Экран качнулся. В кадр попали ноги еще одного перца, который, если судить по изображению мостков и разводов от воды, тоже рыбачил прямо над головой у моего первого собеседника. Этот повторяющийся орнамент на обоях и кусок встроенной системы кондиционирования, видневшийся слева, намекал на то, что тетка звонит из какого-то гостиничного номера.

– Это у вас, у ветеринаров, не прямое наследование... при гибридном скрещивании, – взяла наконец слово Вика, по-прежнему оставаясь за кадром. – На квартиру – у тебя третья очередь наследования, не обольщайся. На фирму – вторая, но и тут не дождешься. Расти в профессии, доктор Айболит, потом поговорим. – Последнюю фразу японец договорил с бесовственным смешком.

Я потихоньку закипал, но еще держался:

– Так дела не делаются.

– Какие дела? – тоже полезла в бутылку Вика. – Нет сейчас никаких дел.

– Ты прекрасно знаешь, что есть.

Она театрально рассмеялась.

– «Фольксваген Джетта», что ли? Это – не дело.

– Это «Джетта». Годовалая!

Японец обидно хрюкнул:

– Барыга! И ты, и Геля твоя, кстати, тоже барыга.

– При чем тут Геля? – изумился я не столько этой аналогии, сколько осведомленности тетки.

– Да вообще ни при чем! – продолжала подначивать Виктория и, наконец, закончила тоном Торквемады, который просит не проливать крови: – Судя по предварительным ласкам в сторис, эта девушка, с которой ты активно флиртуешь, не только продает всякую хрень доверчивым идиотам, но и пишет диплом по мужским и женским стратегиям речи. Даже не знаю, что из этого хуже. В общем, аккуратнее. Не надо выпрыгивать из штанов, дорогуша. Ну все, давай! Про «Джетту» – забудь!

Произнеся этот загадочный спитч, нуждавшийся в дополнительном декодировании, Вика отключилась, а я остался сидеть за компом, пытаюсь сопоставить одно с другим. Неужели моя родственница дошла до того, что посадила жучок в мой телефон? Иначе откуда она знает про Гелю? Технически возможно, есть у нее такие знакомые, но верилось с трудом. Или, может

быть, она постигла дзен с помощью последнего романа Пелевина (ибо иначе – вряд ли), взломала буддийские джаны, освоила телепатию. Хоть Виктория и монстр детективного дела, за что коллеги из следственного комитета прозвали ее детективом с дипломом филолога, все выше-названное представлялось маловероятным.

Но злился я сейчас не только из-за этой напускной таинственности и даже не из-за пугающей осведомленности Вики о моей личной жизни. Я все понимаю: женщины, нервы, эмоции, но если мы взялись за совместный бизнес, то и решения надо принимать вместе. Мы с теткой занимаемся филологической экспертизой текста. В наш век удвоенной реальности, когда виртуальная, текстовая жизнь активно дополнила, а где-то и потеснила привычный материальный мир, профессия филолога вдруг заиграла новыми гранями. Слово теперь не только серебро, пуля, стрела и *#неворобей*, но еще и улика. Мы так много говорим, что порой фатально проговариваемся. Из-за этой многословности нового мира умение подойти к слову с криминальной стороны оказалось настолько востребованным, что помимо работы на ставку в следственном комитете Виктория открыла ООО, дабы иметь возможность рассматривать не только дела, что присылают следственные органы, но и те материалы, которые сваливаются по частным адвокатским запросам.

Вот тут-то и зарыл корень только что произошедшего спора. Я еще учусь в университете, поэтому право подписи экспертиз пока имеет только Вика. Это многое усложняет, особенно в тех случаях, когда она внезапно встает в позу, пропадает со связи и отказывается обсуждать вновь открывшиеся факты. А дело «Джетты» было из тех, которые стоят того, чтобы в нем разобраться. И не только из-за величины вознаграждения.

Кажется, нам в руки приплыло идеальное сетевое преступление. Особенно распался воображение тот факт, что ни один юрист, ни один лингвист, к которым это дело попадало до того, как приземлилось в нашей электронной почте, не решились за него взяться.

Но моя тетка не была бы собой, если бы не умела пропадать так, чтобы никто не достал. Рядом со мной лежал ее телефон, который я извлек из ее квартиры, открыв дверь своим ключом, после того, как два дня она не отвечала ни на звонки, ни на сообщения.

На телефон только что пришло очередное уведомление об оплате из некоего отеля «Форест парадайз» (да уж, Караганда, держи карман шире!), «Массаж горячими камнями». До этого был еще пиллинг, гидромассажная ванна, капучино с бейлисом, аренда снегохода. В общем, Виктория переживала расставание с канадским миллионером так, как будто они были десять лет женаты и она отсудила у него часть состояния, а не просто получила гонорар за выполненную работу и одним глазком глянула на жизнь по другую сторону океана и финансовой свободы.

Мимо прошептал Филипп, глянув на меня через плечо так, что умел бы плевать, загасил бы. Я кинул в него тапкой. Пока тапка была в полете, Филя неспешно, даже с известной долей изящества, завернул за угол.

Случай испортить Вике отдых мне представился в тот же день, но сначала про «Джетту».

Глава 2. Опасные селфи, или Не все ангелы одинаково полезны

Тут дьявол с богом борется, а поле битвы – инста сердца людей.
Ф. М. Достоевский

Инна еще по телефону произвела неоднозначное впечатление. Чтобы не представляться долго, она отправила меня на свою страничку в инстаграме, и это оказалось сродни настоящей этнографической экспедиции.

Раньше дамочек, занимающихся йогой и вдохновением потоков энергий, заботливо отсеивали сетевые фильтры, поэтому я с удивлением открыл, что география этого клуба широка, как гастрольный тур рэпера Оксимирона. По количеству подписчиков паблики о психологии, астрологии, составлении натальной карты (что это, я даже не знал), здоровом питании, поиске себя, управлении женскими чакрами и боевом применении специальных флюидов сексуальности тоже оказались вполне сопоставимы с молодежными трендовыми темами. Основной контингент подписчиков – дамы тридцать плюс. Хотя догадался я об этом не сразу: большинство аватарок смотрело юно, тонко-звонко.

Инне исполнилось сорок три года, ее единственной дочке – двенадцать. В разводе, бывший муж – бизнесмен. Когда-то муж Инны, которого она звала Генькой с характерным ироничным присвистом на первом звуке, ловко манипульнул чувствами своей наивной двадцативосьмилетней секретарши Инны, проникнув в сердце под личиной настоящего прЫнца на белом коне. За коня сошел четырехдверный седан марки «Лексус». Принц и сам увлекся офисной Золушкой, бросил семью, ушел к секретарше, и долгое время Инна жила припеваючи, словно в раю. Пока она рассказывала, перед моими глазами проплыли эпизоды счастливой беспечной жизни, как вспышки фейерверков чужого праздника за окном в новогоднюю ночь: элитный садик, школа, няня, репетиторы, гувернантка, специально выписанная из Англии, драгоценности, машины, поездки, салоны, подружки, клубы... Но, к сожалению для Инны, с двенадцатым оборотом земли вокруг солнца прЫнец вдруг обернулся жабой и упрыгал в новую семью к новой молодой двадцатипятилетней красотке, не оставив бывшей жене ни копейки. Ладно, почти ни копейки. Был у него там какой-то хитрый пунктик в контракте. Пришлось начинать жизнь с чистого листа.

Когда я писал Инне свое первое сообщение, то описался и вместо «ваша страничка в инстаграме» отправил «ваша страШичка в инстаграме». Фрейд со своей идеей о том, что бессознательное буквально спрыгивает с кончиков наших языков, не дремал. И все же, как бы подкорка ни силилась меня выдать, ей суждено было молчать под натиском тотального контроля со стороны моего же бескомпромиссного неокортекса, который хоть и молодая кора, но все-таки именно там находится центр всех мыслительных, а главное – волевых процессов. Неокортекс first, потому что какой бы неоднозначной хренью ни занималась Инна, зарабатывая на свою новую красивую жизнь, она собиралась стать моей первой в жизни заказчицей, а я в свою очередь – ее экспертом. Впрочем, ей, как я уже писал, особо выбирать не приходилось: несколько юристов уже отказались вести это дело, лингвисты-эксперты не соглашались и подавно. В отношении выбора мы с Инной оказались в равных условиях. Мне тоже не из чего было выбирать: до Инны собственных клиентов у меня не имелось вовсе.

– Эта инста-сука испортила мне жизнь, – злобно шипела в трубку женщина. – Блогодрянь, лайко-шлюха, проститутка на электронном кошельке! – Ее голос срывался, а аргументы путались.

Сначала по набору лексики я решил, что речь идет о сопернице, которая переманила Геньку-бизнесмена, но оказалось, что речь не о любви, а о деньгах.

Кто бы мог подумать, что стремительная карьера Инны, ставшей после развода с мужем владелицей школы йоги, ресторана ведической кухни «Свагатам!» («Добро пожаловать», хинди), магазина одежды для занятий йогой и ведическими практиками «Тхик хай!» («Хорошо!»), может оборваться из-за пары-тройки дурацких селфи. Кроме всего прочего, Инна продавала элитную недвижимость на Гоа, а также торговала франшизой «ИннаБизнес», предлагая новым партнерам распространять знание в массы, как в пирамиде MLM, продающей какой-нибудь «Амвей». А какая в общем-то разница, что продавать? Йогу, квартиры, средства для уборки или булочки с корицей? Но все это повалилось сейчас, как картонный дом, одно потянуло за собой другое.

– Когда вы впервые заметили неладное?

Женщина вздохнула:

– Две недели назад.

– Что случилось?

– Я зашла в инстаграм и обнаружила, что она (Инна выплюнула слово «она», будто в рот ей попала муха) подписала на мой аккаунт несколько тысяч ботов. Боты – это мертвые головы, понимаете, о чем я?

– Конечно. Это массфолловинг.

Инна угукнула. Голос у нее был низковатый, убедительный, хорошо поставленный, видно, что занималась с педагогами по вокалу или актерскому мастерству, а быть может, и с теми и с другими.

– Он самый, массфолловинг. А какой результат, как думаешь? Саш, можно же на «ты»?

Можно и на «ты».

– Предположу, что большое количество ненастоящих подписчиков грозит блокировкой, – выдвинул я самую очевидную гипотезу.

– Ну что ты! – Она невесело рассмеялась. – Все эти теневые баны – это миф, страшилки для новичков.

– Тогда не знаю.

– Надо встретиться, – вдруг заключила моя потенциальная клиентка.

Увидев Инну в дверях кофейни, я не сразу ее узнал. Надо сказать, что кофейня была выбрана мной по глупости, но понял я это лишь на месте. Все столики оказались заняты. Слева от меня шумела компания креативщиков, составлявших рекламный сценарий для какого-то молокозавода, справа – MLM-щица умасливала клиентку с глазами загнанной газели, три студентки эмоционально обсуждали мужиков и какого-то злобного препода, который зажал зачет и пытается теперь закрыть экзамен. Кофеин – главный двигатель фриланса. Но отступить и искать более тихое место было уже поздно.

– Биобаланс... было... бифидобаланс... похоже на либидобаланс, – громко на азарте перебирали креативщики. – Силобаланс... Хрень. Жизнебаланс...

Слово «баланс» в слогане – это было пожелание клиента. Я же подумал, что, пока они найдут нужный баланс, наши с Инной уши завянут от их малосбалансированных выкриков.

Опознал я Инну не по лицу, а по полушубку из белой норки, который был героем одной из последних ее фотосессий и запомнился своей режущей глаз белоснежностью и несовместимостью с ведическими практиками, отрицавшими убийство животных ради еды, тепла, а уж тем более ради красоты. Когда женщина приблизилась, я понял, что для фотографий в блоге она умело использует косметику, отчаянно фотошопит, особенно это касалось размера носа, и старается сниматься в позах и ракурсах, увеличивающих рост.

– Катастрофа! – проговорила мастер по превращению негативных энергий в позитивные силы и денежные потоки. – Просто ужас, уже третий день длится это безумие! – сползая на стул в изнеможении, пробормотала моя визави.

Я предложил кофейную карту, но она заказала имбирный чай, пробормотав как бы про себя:

– Сейчас бы пива. Кажется, целый диспенсер прилепила бы. Никак не обмякну.

– Извините, пива нет, – испуганно шарахнулась официантка. – Мы – кофейня.

Инна махнула рукой, мол, неси, что есть. За какие-нибудь пять минут, пока я выслушивал предисловие, состоявшее из эмоциональных вздохов и витиеватых «комплиментов» человеческой подлости, официантка расстаралась и принесла наш заказ.

– А почему вы подаете чай во флюте? – ужаснулась Инна, и официантка перепугалась еще сильнее прежнего.

– Мы так сервируем... это бокал для горячих безалкогольных напитков и латте.

Инна фыркнула.

– Это флют. Иначе пивная флейта. Флейта предназначена для различных ламбиков, бельгийского гёза и американского дикого эля. Что вы мне рассказываете? Где вы тут видите ручку, чтобы держать горячий напиток?

Креативщики за соседним столиком неожиданно притихли, и в этой внезапно наступившей тишине голос Инны прозвучал особенно громко и требовательно:

– И форма у флюта узкая снизу, а сверху слегка расширяется. Вы что же, не видите разве?

Официантка сникла, по ее лицу одна за другой пронеслись две эмоции: траур по чаевым и страх перед выговором. Причем вторая эмоция была ощутимо сильнее, потому что на бейдже несчастной значилось: «Ира. Стажер».

Пока нам меняли посуду, Инна молча крутила пакетик сахара, а я разглядывал ее лицо, почти не тронутое пластической хирургией, за исключением разве что не совсем естественных бровей. Хотя брови – это скорее всего результат перебора с макияжем. Во всяком случае, ее лицо не было похоже на типовое гладкое лицо царевны-лягушки, какие нынче можно увидеть где угодно: от ТВ до фитнес-центра. Особое внимание привлекал, конечно, нос. Бережное отношение к столь выдающемуся и нетиповому богатству в наш век пластики и модной хирургической уравниловки вселяло надежду хоть на минимум адекватности.

Кроме прочего, детальное знание о сервировке алкогольного застолья и исповедование йога-терапии, вегетарианства и управления гормональными энергиями не слишком вязались в единое лингвистическое поле, а значит, где-то имеется смысловой зазор. Моя новая знакомая лукавила, а лукавство – всегда лучше твердолобой упертости закоренелого подвижника и уж тем более восторга розовощекого неофита.

– Ближе к делу, – заговорила Инна, проводив тяжелым взглядом растерянную официантку, с флютом в руках засеменявшую к барной стойке. – Эту дрянь зовут Лимончик. Лимончик – это ник. На самом деле она Молли. Родители подсуетились, чтобы за рубежом в случае переезда не было проблем с именем. Молли Добчиковская. Ну, кстати, не промазали родители, проживает мадемуазель на Майорке.

Инна открыла свою френд-ленту и показала фотографию совсем юной девушки. Ничего лимонного образ Лимончика, вопреки ожиданиям, в себе не нес. На одном фото у девушки были короткие волосы дико розового цвета, на другом – небесно-голубые.

– Как только я заметила этот весь кошмар с подписчиками, то я сразу к ней, – продолжала Инна. – Исправляй, мол, зачем создавать ощущение, что на аккаунте накрутка? У нас и так все хорошо.

– Почему Лимончик? – наивно поинтересовался я. – Разве это не ваш аккаунт в инстаграме? Вы сами не можете исправить?

– У-у-у-у, – взывала Инна и сделала фейспалм. – Такой молодой и вообще не в теме?

Она глубоко вздохнула, но принялась терпеливо объяснять, видимо, вспомнив о том, что студент-филолог – единственный, кто вообще согласился выслушать ее историю подробнее, не отказавший после первого общего знакомства с делом.

– Такие люди, как Молли, называются инста-ангелами. Когда выходишь на определенный уровень в бизнесе, то самой раскручивать инсту становится сложно. Не разорваться. В общем, я платила своему Лимону за тысячу живых подписчиков в неделю. А она вела мою страничку, как будто это я сама делаю. Их сейчас даже на журфаках специально всем этим делам учат.

– Хорошо, я понял. Инста-ангел – что-то вроде пиар- или бренд-менеджера по социальным сетям. – Я попытался продемонстрировать, что в теме.

– Ну типа.

Инна махнула рукой, мол, ладно, сойдет такое определение на первый раз.

– И что сделала Лимончик, когда вы указали ей на массфоллоving? Исправила? – поинтересовался я.

Инна изобразила притворный восторг.

– В момент исправила! Извинялась, как не в себя. Уверяла, что из лучших побуждений. По наивности я ей поверила. А оказалось, что она просто глаза мне отводила.

Инна всхлипнула, но плакать явно не собиралась. Все ее ужимки и прыжки тоже были заранее придуманы и отрепетированы. Самое забавное, что она даже как будто нарочно театральничала передо мной. Или это была такая манера человека, привыкшего к публичным выступлениям? Надо еще повнимательнее к ней присмотреться, что она и зачем.

– Можно уточнить? – аккуратно встрял я между очередными крепкими восклицательными конструкциями.

– Да, – мгновенно откликнулась Инна и сделала серьезное лицо.

– Вы даете своему ангелу все инструменты для раскрутки, так? Личную информацию, фотосессии.

– Селфи, фото, подписи, мои лекции, видео ей наговариваю, чтобы она цитаты оттуда брала для постов... Для фото я вообще сделала общее облако, куда сливались все фотографии из компа, планшета и телефона.

– Зачем?

– Для быстроты. Инста требует скорости.

– То есть Лимончик получала все ваши фото, в том числе и неудачные, и вольна была выбирать?

Инна подтвердила, а я вспомнил трех своих дам, с которыми рос и воспитывался: мама, бабушка и Вика. Мой отец срулил из семьи, когда я был еще совсем маленьким, папу не помню, зато женского влияния – хоть отбавляй, и что-то, а одно я усвоил точно. Быть довольной своей внешностью, а уж тем более изображением на фото – одно из самых главных табу женского мира. Они вечно не нравились самим себе. Постоянно что-то подкрашивали, подкручивали, садились на диеты, и если мы задумывали семейное фото, то перефотографировались раз по двадцать. Даже Виктория, которую все наши общие друзья и знакомые безоговорочно признавали редкой красавицей, всегда умудрялась найти в себе какой-нибудь адский, макабрический, по ее собственному выражению, изъян.

– Ну я же не с бухты-барухты передала ей бразды правления, – развеяла мои сомнения Инна. – Первую пару месяцев я держала Лимончика на строгом контроле, первые полгода советовались, а потом, убедившись, что она уже почти безошибочно выбирает те фото, которые выбрала бы я сама, и фотошопит всегда в кассу, отпустила в свободное плавание. Бывали иногда разногласия, но то, что она творит сейчас, – это настоящий криминал! Это позор! Она меня просто порочит!

В общем, при первом приближении это казалось самым обыкновенным делом о вреде деловой репутации. Кто-то заплатил Лимончику-Молли, и она вывалила в аккаунт «ИннаБиз-

нес», который сплошь состоял из реальных и потенциальных клиентов, компромат на руководителя компании и всех сопутствующих бизнесов. Инста-ангел обернулся инста-дьяволом. Обычная комедия, только не божественная, а человеческая.

– Как и у всякого ангела, особенно у того, кто сумел подлететь повыше и занять местечко в самом сонме, у инста-ангела тоже есть масса секретов и собственная оборотная сторона? – поинтересовался я, чувствуя, что дело практически у меня в кармане во всех смыслах этого слова, и не понимая, почему другие шарахались от него. Деловая репутация – не самые любимые у юристов процессы, это я понимаю, грани зыбки, но все же, зачем же отрешиваться от несчастной бизнесвумен, как от прокаженной?

– Что? – Инна глянула на меня с сомнением.

– Я говорю статья сто пятьдесят два ГК РФ о защите чести, достоинства и деловой репутации юридического лица. Вы ведь юридическое лицо?

– Юридическое, – теперь Инна смотрела с откровенным скепсисом и протянула лэптоп с фотографией. – Но ключевое слово здесь – «лицо», а не «юридическое», – загадочно добавила она.

На фото Инна сидела, развалившись на диване. На столе возвышалась миска с кусками жареного мяса, сочившегося горячим жиром и, очевидно, только что снятого с шампуров, бутылка вина, фрукты. Сама женщина игриво облизывалась и показывала большой палец вверх: «супер».

– Формально это селфи, – проговорила бизнес-леди, демонстрируя, что другие юристы и эксперты, с которыми она уже пыталась обсуждать свою беду, были не столь оптимистичны в оценках, как я.

– *Селфи* в моем аккаунте, сечешь фишку? – произнесла она, расставив ударения.

Фишку я пока не сек. Рассматривал фото и так и сяк, искал подпись к фотографии, но подписи не было.

– А что тут напишешь? Автор собственной методики медитации, йога-инструктор, учитель жизни, бухает, жрет мясо и фоткает свою красную от удовольствия физиономию с помощью селфи-палки, поит кришнаитского монаха медицинским спиртом так, что тот утром возвращается на четвереньках с палкой колбасы в зубах?

Инна вздохнула, крутанула ленту и действительно показала фотографию, где кришнаитский монах нес в зубах палку колбасы.

– Да, это мы на Грушинском фестивале – давно дело было. Уж лет семь назад, – с грустным смешком пояснила Инна последнюю серию экстравагантных фотографий. – Мы тогда еще и день группы отметили. Представляешь, один наш парень увлекается парапланами, так он придумал в балластную канистру, которая крепится под сидущкой параплана, налить медицинского спирта. Как раз получилось ровно двадцать литров. Радиус поражения этой бомбы был около пятидесяти метров. Ну и этот махаражда случайно попал.

Я присмотрелся к женщине внимательнее. Хорошо сложенная, не толстая, не худая, все еще довольно интересная, несмотря на возраст. Немного одутловатое лицо и припухшие веки выдавали любительницу вкусно и нездорово поесть и выпить, но организм, стилисты и фотошоп пока легко справлялись с этими особенностями. Другое дело, если выкладывать фотографии без редакции. Тогда да, беда.

– Ладно, еще не было таких фотиков в телефонах в девяностые, когда мы студентами были. Однажды мы с ребятами из группы прошли по центральной улице города с панк-парадом, неся огромный макет презерватива, на котором было написано «СПИДу нет! СПИДа нет!» – вспомнила вдруг Инна не без нотки ностальгии в голосе.

– Да, это было не особенно скрепно, – ответил я, снова пытаясь разглядеть в лице этой необычной женщины ответы на вопросы о ее судьбе и в том числе о том, что с ней сейчас происходит.

«Простая секретарша, говоришь?» – подумал я, рассматривая татуировку в виде картины Рене Магрита «Сын человеческий» на ее запястье. Картина была набита на удивление искусно: человек в строгом костюме и котелке, лицо которого закрывало яблоко. Символ вечного искушения со времен Адама был не просто узнаваем, восприятию картины не помешала даже двуцветность тату.

– Это мне подруга набила. У нее тату-салон, – объяснила Инна, проследив за моим взглядом.

Ей наконец заменили чай. Теперь принесли в обыкновенной непрозрачной кружке. Собственно, если бы нас не задержали с заказом, можно было уже вставать и уходить. Юристы до меня не были дураками. Дело безнадежное. Еще и Лимончик на Майорке. Где судиться – вообще не ясно. Однако эта дама не зря раскрутила инстаграм с нуля до сотен тысяч подписчиков, которые, если бы не злой умысел того, кто проплатил антирекламу, до сих пор верили бы в ее репутацию правоверного йога и духовного учителя для широких масс. Было в Инне то ли какое-то потустороннее везение, то ли действительно особая энергетика. Во всяком случае, искру в моей голове она зажгла случайно оброненной фразой. И не только в моей.

– Инстаграм – это вообще не про писать, – вздохнула Инна. – Инстаграм – это чтобы другие увидели тебя и захотели: тебя, с тобой и как у тебя. Ну ладно, я вижу, зря мы тут...

– Хочешь баланс, как у нее! – проговорил кто-то на бекстейдже. Повернув голову, я встретился с горящими глазами одного из креативщиков. Другой уже записывал слоган в блокнот. Третий описывал девушку, которая должна быть запечатлена на рекламном фото и иметь не меньше третьего номера на своем балансе. Оказывается, пока мы с Инной разговаривали, даже не заметили, что они прислушивались к нашему разговору.

– Вот так всегда. Всех вдохновляю! – Инна сделала большие глаза и поднялась, не отпив и глотка своего чая, из-за которого было столько шума.

– Дарю, мальчики, – небрежно бросила она.

Ее белый полушубок уже маячил в дверях кофейни, а я все крутил в памяти барабан с разрозненными цитатами, наугад, наудачу выхватывая всякий раз не то.

Чтобы другие захотели тебя, как у тебя. Желание человека получает свой смысл в желании другого. Жан Лакан. Нет, не то. *Бытие для другого.* Жан Поль Сартр. Снова мимо. Много слов. *Взгляд Другого постоянно сопровождает нас.* Не помню, кто сказал, может быть, тот же Лакан, на него похоже, надо перепроверить. Но потом, потом... Мы смотрим на себя глазами Другого. Всегда глазами другого. Образ в зеркале видим только мы и больше никто. Зеркало – ложь. Фотография – правда... Документальная правда. Нет, не то. Фотография – образ, увиденный чужими глазами. Мысль была уже так близко, осталось только схватить нить и мотать ее, мотать, как закручивают на руку хвост воздушного змея, приручая непокорного жителя небес. Да! Нить внезапно кончилась, и воздушный змей оказался у меня в руках.

Если следовать этой логике, то *селфи – это прирученный взгляд. Образ, который мы контролируем полностью.* Единственный способ показать другим, какие мы на самом деле, какими видим сами себя.

Селфи – это не про фотографирование, селфи – это про честный разговор с миром. Этот мир все время видит нас глазами кого-то другого. Даже зеркало подвирает, меняя право и лево. А уж как лукавят взгляды фотографов и художников! Селфи – это первая возможность показать миру себя таким, каким видишь сам, таким, каким представляешь себя, и, может быть, даже немного таким, каким хочешь быть. И человек имеет на это право. Имеет право быть самим собой. Отнять это право не может никто, а уж тем более какая-то там Лимончик.

– Стойте! – крикнул я вслед Инне, уже занесшей ногу над порогом. – Вы никогда не были секретаршей у вашего босса. Вы сейчас соврали мне.

Инна прищурилась и резко откинула голову назад.

– Эта свинья уже и до этого добралась? – спросила она дерзко.

– Нет, я сам догадался. Кое-что в вашей речи вас выдает. Но я не для этого вас позвал. Секретарша, неземная любовь, это только образ. Образ, который вы создали для каких-то своих нужд. Не важно для каких. Меня это не особенно интересует. Но, знаете, я думаю, что смогу вам помочь вернуть ваш бизнес. Во всяком случае, мы можем попытаться взыскать часть ущерба.

Белый полушубок стремительно приблизился. Белые руки-крылья взметнулись, меня обдало теплом и томно-сладким запахом духов моей новой клиентки.

– Видишь? – Она показала за окно, где почти у входа ей удалось втиснуть свою красную «Джетту». – Если все получится, – твоя.

Глава 3. Глупая сова

*Утреннее сообщение по Всесоюзному радио:
«Уважаемые товарищи!
Сообщаем, что общероссийский эксперимент, длившийся
семьдесят два года, закончен...
Здравствуйте, дамы и господа!»*

Я уже привык к тому, что Филипп живет так, будто снимается в шоу «За стеклом» или работает на скрытую камеру по делу о жестоком обращении с животными. Всеми доступными представителям кошачьих актерскими средствами он демонстрировал миру, что на общей с ним жилплощади постоянно проживает настоящий кошачий маркиз де Сад. К сожалению, гости, особенно те, кто приходил впервые, охотнее верили коту, чем мне.

– Вика у тебя? – поинтересовался следователь Следственного комитета майор Борис Краснов, проходя в комнату и оглядываясь по сторонам.

Филипп вжался в диван, распластал уши и зарычал, точно зная, что этот звук в его исполнении больше похож на жалобный скрип несмазанной двери. Приемчик он уже не раз опробовал на тетке и был уверен – сработает. На этот раз реакция последовала мгновенно.

– Ты его бьешь, что ли? – без обиняков поинтересовался следователь Краснов.

– Скорее наоборот, – заметил я, сгоняя кота на пол. – Это он почувствовал руководящий императив и воплощенные в вашем лице властные полномочия, поэтому, пользуясь удобным случаем, решил жалобу составить. Он у меня по характеру такой – кверулянт.

Майор нахмурился, наверняка подумал, что умничаю намеренно. Сам Краснов сложных слов не любил и старался их лишней раз не употреблять, но не успел я открыть рот, чтобы поправить самого себя, заменив благородного кверулянта на обыкновенного жалобщика, как майор удивил меня.

– *Кверулянт*, говоришь? Знаем-знаем мы одного *кверулянта*. – Краснов старательно выговорил сложное слово, которое, судя по осторожному обращению, сам выучил недавно, и вдруг подмигнул с таким видом, будто я тоже должен непременно знать этого таинственного человека с такими же склонностями к доносительству, как у моего кота. – Надо же, какое совпадение, – добавил Борис.

Но я не нашелся, что ответить, потому что, во-первых, был не в теме, во-вторых, если честно, равных Филиппу не встречал. Майор Краснов усмехнулся какой-то кривой подозрительной улыбкой и глянул на меня совсем недружелюбно. Видимо, к животным суровое сердце майора имело особую склонность.

Естественно, Вику Борис не обнаружил ни у меня, ни в ее собственной квартире – благо далеко бегать не пришлось, она живет в этом же доме через подъезд.

Официальная версия исчезновения Виктории звучала так: «расстроились нервы после трансатлантического перелета и невероятных нагрузок на последнем деле». Именно эту версию я и озвучил.

– Сухим языком трудового кодекса это называется «прогул». – Борис Краснов еще раз глянул на кота, который сидел теперь прямо напротив него, обернув лапки хвостиком, и, склонив голову немного набок, смотрел с грустной преданностью.

Трещавший и искривший от нерастроченной энергии дисциплинарного взыскания еще минуту назад голос майора неожиданно смягчился. То ли подействовал рассказ о слабом женском организме, то ли котик Филипп добился желаемого результата, вызвав у гостя приступ острой жалости.

– Хоть телефон-то можно было с собой взять?!

Я пожал плечами, сделав сочувственно-неопределенное лицо, какое бывает у младшего помощника старшего менеджера в фирме, которая должна вам денег и не собирается отдавать.

– Передать ей что-то, когда позвонит?

– Нет.

Борис молчал, стоя посередине комнаты и разглядывая свое лицо, вытянутое и преломленное под сорок пять градусов в зеркальной стенке шкафа для посуды.

– Зачем люди закладывают книги куском туалетной бумаги? – спросил он ни с того ни с сего, подхватив с подлокотника свеженького номинанта премии «Нос» и «Большой книги». – Сразу же понятно, где вы их читаете.

На подлокотнике, словно делая ласточку, балансировала книга, которую я забрал из квартиры Виктории вместе с телефоном. Закладка была ее, и книга как будто показывала желтый измученный язык, намекая на то, что пора бы уже дочитать произведение и поставить на полку. Но читать после Вики не так-то просто. У современного автора тетка выискивала какие-то коды русской классики, подчеркивая простым карандашом целые абзацы, и это страшно мешало, как будто в мой личный разговор с автором-современником вдруг беспардонно влезали Гоголь, Достоевский, Толстой и сама Виктория, решившая, что пассаж про крах идеи консьюмеризма соотносится с рассказом Льва Николаевича «Много ли человеку надо земли». Точно так же во «Властелине колец» она находила отголоски «Беовульфа», а в фильме «Фантастические твари» умудрилась разглядеть связь с чеховским рассказом «Спать хочется», когда одна из героинь слезно исповедовалась публике, какие причины побудили ее утопить собственного брата. Виктория только упрямо мотала головой, слыша возражения из серии: где Чехов, а где приквел к Гарри Поттеру. Ребенок-убийца, да еще и вызывающий сочувствие читателя и зрителя – это Чехов. Он изобрел. Все, что после него, – это диалог.

Такой подход порой нервировал даже меня, и нет ничего удивительного в том, что и сам Борис, и его коллеги посмеивались над странной филологической привычкой Вики видеть мир как текст, который уже совершил насилие над всеми предметами, людьми и событиями, словно отец всех богов Зевс-громовержец, а потому все в этом мире-тексте взаимосвязано, все где-то уже упоминалось и кем-то цитировалось. Сам же текст является самой главной властью в подлунном мире, именно текст, а вовсе не президенты, правительства и тайные масонские объединения. Есть от чего приуныть, если честно.

Однако мозг следователя Краснова обладал потрясающими адаптивными свойствами, потому что эту Викину многомудрость, рождающую скорби, он умудрялся рассматривать в романтическом ключе. «Все люди просто смотрят, а ты смотришь на все триста шестьдесят градусов, как сова», – так однажды во время очередного тоста на корпоративе аттестовал следователь умение Вики где надо и где не надо применять методы лингвистического анализа, герменевтики, контент-анализа, нарративной семиотики и прочей беспощадной текстологии. Несмотря на то что сову очень условно можно назвать символом мудрости, потому что большая часть огромной головы этой птицы занята вовсе не мозгом, а глазами яблоками и вестибулярным аппаратом, тетке сравнение понравилось. Что и требовалось доказать – мы все во власти предрассудков, даже если вы детектив с дипломом филолога. Меня же за версию про сову она просто в очередной раз обозвала ветеринаром, до сих пор поминая мне, как после года обучения на филфаке я перевелся на отделение крупного рогатого скота в академии ветеринарии и уехал на практику в деревню. Кстати, я до сих пор с удовольствием хожу в анатомичку и чередую слово с делом, считая это чуть ли не важнейшим условием сохранения нужного мне баланса. Да и язык с его жесткими матрицами рулит уже не так бескомпромиссно. Сова – глупая птица. Правда жизни может поспорить с любой мифологией. Так-то.

Как бы то ни было, благодаря умению Виктории вытаскивать из текстов информацию, до которой не доискалось ни следствие, ни адвокаты, Борис смог раскрыть несколько убийств, похищение и кое-что по мелочи вроде оскорблений, разборки в СМИ, призывов, некоррект-

ной рекламы, плагиата, угроз и т. п. Словно древний грек, гадающий на удачу, майор Краснов тоже прислушивался к голосу своей персональной священной совы, а потому частенько закрывал глаза на ее причуды. Кстати сказать, главной из причуд оказалось категорическое несогласие ходить на работу даже при условии наличия собственного кабинета. Виктория работала дома, имела свободный график, время от времени могла себе позволить взять заказ со стороны, слетать на другой конец шарика, закрутить там роман со странноватым миллионером-айтишником, расстаться, сделать вид, что так и было задумано, – все это в рабочее время. Короче говоря, ничего удивительного в том, что Виктория вдруг решила на пару деньков сгонять в какой-то там очередной волшебный лес.

Но в этот раз все было иначе. Чары тотемной птички не сработали. Случилось что-то понастоящему серьезное.

– Адрес есть? – поинтересовался Борис таким тоном, что не оставалось никаких сомнений в том, что, даже если Вика забралась в глухую тайгу, он только поинтересуется, где ближайшая вертолетная площадка.

Адреса у меня не было, но было кое-что гораздо более информативное – эсэмэски с ее карты в оставленном ею же телефоне. «Форест парадаиз», или по-русски «Лесной рай», расположился в тридцати километрах от города и позиционировал себя загадочным слоганом «бутик-отель, где вы забудете обо всем».

Отель представлял собой двухэтажный особняк, внешняя отделка которого была выполнена в духе классицизма девятнадцатого века. Внутри нас встретили запах хорошо сваренного кофе и приятная девушка за стойкой, которая, выслушав нашу просьбу, вежливо попросила подождать.

Обстановка особняка-бутика напоминала о старинных гостиных, светских салонах и жителях благородных кровей. Стены лобби оклеены бордово-коричневыми обоями со сложным тиснением и украшены портретами кавалеров и дам в нарядах эпохи рококо и барокко. Мимо нас проплыл официант в белой рубашке и бабочке, неся на подносе бутылку вина. Следом за первым официантом вышагивал второй такой же черно-белый, на его подносе гордо плечом к плечу встали два пустых бокала. Третий догонял своих коллег, придерживая за серебряные дужки ведерко со льдом.

Борис проводил процессию задумчивым взглядом.

– Что это за место? – наконец выговорил он, все еще находясь под впечатлением. А впечатляться было от чего: официанты окружили столик пожилой иностранной пары, судя по виду – немцев, которые сидели в отдалении от бара около камина с настоящими дровами. Первый официант, изогнувшись словно цапля, увидевшая рыбу, начал рассказывать о достоинствах вина этого сорта, старательно улыбаясь и одновременно откупоривая бутылку. Говорил официант на довольно приличном английском, чувствовался уровень если не романо-германского отделения, то каких-то недешевых языковых курсов.

Мне самому стало интересно, куда мы попали: новодел соседствовал, как ни странно, с отменно тонким дизайнерским вкусом. Возникло ощущение, будто мы и вправду где-то во Франции или даже в Англии, прародительнице подобных усадеб. Однако высказать своих предположений я не успел.

– Господам подготовить снегоходы? – поинтересовалась девушка за стойкой. Это была уже другая сотрудница, бесшумно сменившая ту, что отошла, чтобы предупредить Викторию о внезапных визитерах.

– Да, давайте, – то ли поблагодарил, то ли милостиво позволил мужчина средних лет, которого под локоть держала красивая высокая брюнетка в бело-фиолетовом лыжном костюме, похожая на фарфоровую куклу с приклеенными резиновыми губами. Сам мужчина, одетый в красную спортивную куртку и черные штаны с многочисленными карманами, имел вид большого вальяжного бизона.

– Господа хотят что-нибудь оседлать? – досадливо проворчал Борис, присаживаясь на кабинетное кресло, какие были в моде в девятнадцатом веке, а сейчас встречаются только в домах-музеях известных писателей.

Я был согласен со следователем: после семидесятилетней советской истории «господа» никак не хотели приживаться и звучали диковато.

Когда бармен подошел, чтобы уточнить, какой именно кофе желаем мы в качестве комплимента от заведения, Борис окончательно приуныл, а я подумал о том, что размер компенсации за непредвиденные обстоятельства, в результате которых нам пришлось задержаться по предыдущему делу в Эквадоре, превысил мои самые смелые предположения. Впрочем, мне тоже жаловаться грех, свою заранее оговоренную часть я получил в полном объеме и уже выплатил полугодовую сумму за аренду квартиры, оплатил гостиницу кота на те три недели, что мы отсутствовали (кстати, это оказались сопоставимые суммы!) и купил себе, наконец, новый телефон: предпоследняя модель в ай-линейке, практически полноценный комп и видеокамера, умещающиеся на ладошке. Фантастика. В общем, дела мои налаживались, бреши в бюджете были залатаны, и если кто и был недоволен всей этой историей, то только Филипп, который продолжал мстить мне за кошачью гостиницу, как будто я сдавал его на консервную фабрику.

– Был у нас, кстати, в оперативных сводках один нехороший отельчик, тоже, кажется, бутик типа Мишлен. – Борис часто придумывал собственные трактовки иностранным словам: «бутик типа Мишлен» в его исполнении можно было трактовать как нечто чрезвычайно понторезное. Тот факт, что звезды Мишлен – это знак качества, которым отмечаются рестораны, а не отели, его нимало не интересовал.

– И что ты думаешь, – продолжал он, когда нам принесли ароматный капучино с кусочками маршмеллоу. – Зашли мы в этот бутик-дутик, а там изо всех углов и гламурненьких ящичков силиконовые члены торчат и наркота килограммами.

– Это вы сейчас к чему? – удивился я.

Борис посмотрел хмуро, перевел глаза на висящий напротив нас натюрморт с рябчиком, выполненный с фотографической точностью нормандской школы, смутился и пробормотал:

– Да так, ни к чему.

Виктория все не выходила. Мы уже допили кофе и сидели молча, глаза на многочисленные дизайнерские кунштюки вокруг. Наконец появилась наша дева со стойки регистрации. Подплыла, семеня, словно гейша, и, нежно улыбаясь, сообщила, что госпожа Берсеньева сможет принять нас не раньше, чем через час, потому что у нее процедура.

– Если вы согласитесь подождать...

– Не согласимся, – прервал ее Борис и достал удостоверение.

Девушка отступила, тихо ахнула, внимательно прочитала информацию служебных корочек, вдруг сощурилась, а потом твердо, как будто приняла какое-то важное решение, сказала:

– Пойдемте, со мной.

«Что-то новое», – подумал я, следуя за напряженной спиной майора Краснова и думая о том, что впервые вижу, чтобы наш знакомый воспользовался служебным положением, да еще и в таких сомнительных целях. Хотелось поинтересоваться, собирается ли Борис вытаскивать Вику прямо из ванны или куда она там забралась, или намерен окунуться сам, но я прикусил язык, потому что еще интереснее было не это, а то, какое дело толкнуло его на столь радикальные методы.

По витой лестнице мы поднялись на второй этаж, бесшумно прошли по мягким ковровым дорожкам мимо комнаты отдыха, спортивного зала и оказались в полутемном коридоре с двумя десятками одинаковых дверей.

– Это здесь, – проговорила девушка, показывая на одну из дверей, дернула ручку и быстро отбежала в другой конец коридора, как будто боялась, что из двери кто-то бросит в нас гранатой.

Войдя в полутемный номер, мы почувствовали запах хвои и еще чего-то пряного и немного сладковатого, сквозь задернутые шторы свет сюда не проникал, и освещение обеспечивали четыре тусклых ночника в форме кошечек, в разных позах разлегшихся по углам. На кушетке, не двигаясь, лежал кто-то под странным темно-зеленым покрывалом, которое влажно поблескивало в этом скудном освещении.

Кто перед нами, понять было невозможно, потому что лицо человека оказалось забинтовано.

Сделав еще пару шагов, я обомлел. Это был грим к фильму «Мумия возвращается». Я не поверил глазам: такие повязки накладывают только после хирургических вмешательств. Понятно, почему тетка не звонила и не показывалась в скайпе. Только зачем такой женщине, как Вика, делать пластику? Необычная внешность моей тетки, вобравшая в себя лучшее от самых разных народов, населяющих Среднюю Волгу, восхищала и сводила с ума мужчин. Слегка раскосые миндалевидные глаза, четко выраженные скулы, брови вразлет, тонкий нос: русские, татары, чуваша, мордва, каких только кровей не течет в нас с теткой. Тридцать четыре ей не дают никогда, а нас с ней часто принимают за брата с сестрой. Неужели все из-за этого злосчастного миллионера? И что это за гигантская зеленая жаба расположилась на ней сверху? Или все-таки девушка с ресепшена перепутала и нас привели не туда?

Почувствовав, что в комнате кто-то есть, человек на кушетке сделал движение рукой и проговорил:

– Кто там опять? Я же просила – позже.

Теперь сомнений не осталось. Это Виктория. Я видел, что Борис тоже пребывает в замешательстве, кажется, если бы он действительно увидел здесь искусственные члены и наркоту, то чувствовал бы себя более уверенно.

– Не пугайся, Вик. Это Борис Краснов, – проговорил он со смесью изумления и снова закипавшей ярости.

Виктория резко дернулась, покрывало, которым она была накрыта, соскользнуло с нее, как кусок рыбы с намазанного маслом бутерброда, шлепнувшись об пол с влажным всхлипом. Подскочив, как ужаленная, она села и теперь влажно поблескивающая слегка зеленоватая субстанция составляла ее единственную одежду.

Все произошло в считанные секунды. Сквозь маленькие прорези в бинтах сверкнули возмущенные глаза. Вика ойкнула, спрыгнула с кушетки и, мелькнув ягодицами, бросилась к халату, который, как назло, висел аж на противоположной стене.

Не могу с точностью описать, как это произошло, но в итоге мы с Красновым оба оказались в коридоре.

– Идиоты, – проговорила мумия голосом Вики, выходя к нам уже завернутая в халат. – Ну заходите, раз пришли, ироды. Неужели нельзя было подождать?! Вам бы вина предложили. В местном ресторане обалденные стейки готовят.

Слава богу, то, что я принял за повязку, оказалось всего лишь шапочкой для волос: хрустнула липучка на затылке, и роскошные светлые волосы Вики рассыпались по плечам. При свете верхней лампы, которую она включила, пока мы спасались бегством от первозданной зеленой наготы, бинты тоже оказались не бинтами, а маской, похожей на огромный лизун, распластаный по лицу.

– Что это за Воландеморт? – поинтересовался Борис, прокашлявшись и покраснев до корней волос.

– Ты мне лучше расскажи, в каком это трудовом кодексе у нас нынче прописано, что начальство может врваться к своим подчиненным в спальню в любое время дня и ночи? –

поинтересовалась Вика, видимо, решив заранее пресечь любые вопросы о прогуле, предпочитая нападать первой. Несмотря на то что она старалась артикулировать максимально внятно, все равно получилось как на плохой озвучке к кассетному фильму в 90-е годы.

– На месте человека, три дня не появлявшегося на работе и обнаруженного в рабочее время (еще только четыре часа, между прочим!) валяющимся с медузой на пузе и окаменевшим куском дерьма на физиономии, я не стал бы вспоминать про трудовой кодекс, – посоветовал, в свою очередь, Борис, к которому, кажется, окончательно вернулся дар речи.

– А про сексуальный харассмент можно вспомнить? – Вика склонила голову набок, потому что сейчас это было единственное доступное ей мимическое действие.

Борис покачал головой.

– Посмотри на себя в зеркало, какой харассмент? Что это, я тебя спрашиваю?

– Альгинат натрия. Пластифицирующий и моделирующий эффект, – сдалась Вика и сделала попытку подковырнуть маску ногтем, но не тут-то было: маска сидела плотно.

– Смывай немедленно, и я жду тебя внизу, красавица ты моя, – проговорил Борис со смесью иронии и упрека. – И поторопись, пожалуйста.

– Дай хоть душ принять.

– Быстро-быстро, Вика, это я еще добрый. Давай!

– Покрывало из водоросли спирулина. Вы вообще соображаете, сколько это стоит? – проворчала нам вслед Виктория, но покорно поплелась к раковине в углу.

«Женское» – территория, где джентльмены обычно пасуют и сдают позиции. Женская энергия – самая мощная сила в мире, давайте научимся пользоваться ею!» – писала в своем блоге Инна. В любой другой ситуации Вика, без сомнений, просто забомбардировала бы всех вокруг флюидами женской энергетике, кусками отваливавшимися с ее влажных ягодичек. Поэтому она явно не ожидала такого напора со стороны Бориса. Ее растерянность выглядела комично. Но главное, что она не додумалась до пластики! С любовными же неудачами каждый справляется в меру своих сил и представлений о жизни. Вика выбрала спирулину, я бы, если честно, с удовольствием надрался до состояния водоросли, но было не до этого.

Когда я возвращался в лобби, навстречу мне попала та самая девушка с ресепшна. По ее взгляду было ясно, что весть о голой клиентской заднице, которую майор СК силой возвращает на работу, будет еще долго передаваться в этом отеле-бутике из уст в уста, словно старинная легенда из Средневековья.

Глава 4. Просто процедура

Будь осторожен в своих суждениях о людях.

Скорее всего, ты ошибаешься.

Декстер Морган, к/ф «Декстер»

– Маньяк, – сказал Борис, и маленькая серебряная ложечка выпала из пальцев Виктории, ударилась о блюдце, издав неожиданно громкий звук, похожий на болезненный стон.

Следователь произнес слово очень тихо, даже я, сидящий прямо напротив, смог едва-едва расслышать, но на контрасте с пронзительным фарфоровым звоном в лобби повисла такая тишина, что создалось ощущение, будто прислушиваются не только старомодные лица с портретов, но и голова лося над камином напряженно раскинула роскошные ветвистые рога-антенны, пытаясь уловить, о чем мы шепчемся. Пожалуй, это было не хуже звука знаменитой лопнувшей струны у Чехова.

– О нет, я так и знала, что рано или поздно ты мне это притащишь! – выдохнула Вика, у которой с маньяками были особенные отношения. Стоит упомянуть, что единственный том лингвокриминалистики, который оставался до сих пор нечитанным, как раз о маньяках. Виктория боялась их, иррационально, по-женски, истово.

– Да уж, завелась мразь. К счастью – уже поймали, – успокаивающе продолжал Борис. – Опасности нет, но нужна экспертиза, скорее формальность, конечно. Вот.

Следователь опустил глаза, как будто ему неловко просить о таком одолжении, но это было, конечно, не так, он просто рылся в папке, и уже через пару секунд на стол перед нами легла газета, заголовок которой можно было назвать по-настоящему леденящим душу: «Четыре новые невинные жертвы кровавого изверга».

Виктория сделала глубокий вдох и потянула газету на себя. Я подсел к ней, нам понадобилось около минуты, чтобы понять, вернее говоря, чтобы как раз перестать понимать... Когда Вика отложила статью, мы все трое переглянулись. Мы с теткой удивленно, Борис – с непрошибаемой серьезностью во взгляде.

– Но... погоди, Борь, – наконец вступила Виктория. – Конечно, случай ужасный. Отвратительный. Куда смотрел персонал этой психушки вообще? Да и каким образом лопата могла попасть в руки опасного больного? Как лопата вообще оказалась на больничном дворе для прогулок душевнобольных людей? Это все вопросы, конечно... Но все-таки это же собаки. Четыре щенка... Он убил четырех кутят.

– И еще троих человек, – добавил Борис таким же непрошибаемым, под стать взгляду, голосом. – Три человеческих трупа. Собственно, по их поводу он и проходит сейчас медицинское освидетельствование. Собаки – это чтобы тебе было понятнее, с кем имеешь дело. Ну и как обычно в таких случаях бывает: трое – это только те, которых нашли к настоящему моменту. Возможно, есть другие.

Город был взбудоражен. Ужасало в этой истории все: и три человеческие жертвы, и то, что невменяемый человек свободно разгуливал по улицам, и то, что он много лет работал в какой-то дизайнерской конторе (убийца был нестарым еще человеком, кормился фрилансером, рисовал для сайтов логотипчики, эмблемы и разные веселые картинки, которые ничем не выдавали его нездоровья и внутренних бурь, скрытых от посторонних глаз). Но по-настоящему взорвались цистерны с народной ненавистью после известия о зверской расправе над четырьмя пушистыми щенками, которых эта пародия на человеческое существо искромсала лопатой, словно куски снега на дороге. «Бешеных собак усыпляют»: с такими плакатами люди выходили под окна клиники, где содержался изверг, и к прокуратуре, требуя максимально строгого наказания.

Логическим продолжением этой цепочки умозаключений стала мысль о том, что градус безумия современного общества оказался так высок, что люди предлагали возвращаться к практике содержания пациентов психиатрических клиник в кандалах, как это практиковалось до девятнадцатого века, а желательно еще и подальше от крупных населенных пунктов. Читая статьи, я все глубже погружался в ощущение, что ненависть к маньяку стала каким-то важным катализатором, объединяющим фактором. Люди не могли думать больше ни о чем: ни о политике, ни об экономике, ни о медицине и образовании. Ничто не интересовало людей в городе Ставропольск – слава богу, это произошло не у нас, а на расстоянии трехсот километров – кроме необходимости срочно ликвидировать угрозу.

«Дуркам здесь не место» – гласил заголовок статьи, которая предлагала срочно перенести клинику подальше за город, желательно в Сибирь.

«Класс – атак!» – распечатка статьи в интернете, где журналист набросился на классы коррекции для умственно отсталых. Судя по комментариям, ни одна живая душа в Ставропольске не пожалела, если бы все люди с любыми отклонениями сгинули в одиночасье и насовсем.

Виктория отложила газеты, не дочитав.

– Господи, возвращаемся в Средневековье. Психиатры, наверное, за голову хватаются, – предположила она. – Столько усилий по преодолению отчуждения к душевнобольным людям, и на тебе.

Борис пожал плечами и тут же продемонстрировал неплохую осведомленность по вопросу. Явно готовился:

– Между прочим, психически здоровые люди совершают правонарушения гораздо чаще, чем душевнобольные. А маньяки – вообще отдельная статья. Статистика утверждает: на десять миллионов человек один становится маньяком и все они, как правило, вполне вменяемые. То есть с медицинской точки зрения. Во всяком случае, прячутся как те партизаны в горах Гранады, потому и жертв обычно больше одной.

– Давай без подробностей, – прервала его Вика. – И так тошно.

– Не тошно, а страшно. Если начинает действовать какой-нибудь шизик – пиши пропало. Все на ушах.

Рассматривая публикации и слушая Бориса, я подумал о том, что следователь в своем обычном лаконизме чертовски прав. Страх – ключевое слово, с подкоркой не поспоришь. Неокортекс с его осознанием законности, необходимости и справедливости здесь не властен. Максимум, что светит за убийство собаки по закону, – шесть месяцев ареста, если отмораживаться регулярно, то в самом суровом случае – два года. Но именно несчастные щенки стали спусковым крючком. Ведь даже если вынести за скобки тот факт, что это были беззащитные детеныши, если закрыть глаза на то, что и после поимки маньяк жаждал крови и находил способ ее пролить, то в сухом остатке получим страх перед непредсказуемостью агрессии. Ужас – вот о чем говорили все эти публикации. Слепой необъяснимый ужас.

Виктория раздумывала: «Кого же он убивал?»

– Предполагаем, что еще найдены не все. Но это уже дело следствия. Твое дело: процедура, – начал объяснять Борис. – Убийца агрессивен, одержим идеей справедливости, убивал тех, кто, по его мнению, приносил вред жизни города и общества. Для цели разоблачения сочинял подметные письмишки, сначала рассылал кляузы, потом угрожал, если письма не действовали, принимался за дело сам...

Борис сделал паузу и обратился ко мне:

– Вот это кверулянт так кверулянт, а ты говоришь: котик Филя.

Я согласно кивнул, мысленно поаплодировав умению Филиппа не просто вызвать симпатию, но и запоминаться. Конечно, лексику нашего великого и могучего майор Борис Краснов изучал не по словарю Ожегова, и тот самый кверулянт рано или поздно должен был

объявиться, но все же я никак не ожидал настолько опасного сдвига у предполагаемого преступника. Маньяков в нашей практике еще не было.

– Так он сумасшедший или нет? – пыталась разобраться Виктория. И добавила с возмущением в голосе, в котором тоже читался страх: – Ты меня совершенно запутал.

– С двадцати лет состоит на учете с диагнозом шизофрения. Сейчас ему сорок четыре.

– Ну вот пусть им психиатры и занимаются! – вставила Виктория, но Борис не обратил внимания.

– Этот гад попался на письмах. Чтобы подтвердить, что все письма принадлежат авторству одного человека, нужен эксперт-филолог. Формальность, потому что чувак уже сознался.

Виктория тяжело сопела и молчала.

– Ставроподольск. Что это за город такой? Помесь бульдога с носорогом.

– Вот зря ты, – оживился Борис. – Хороший большой город. Я там даже был. Почти пятьсот тысяч населения, на Волге, промышленный, два завода, районы-кварталы, жилые массивы, все дела.

В России немало мест со странными и даже откровенно дурацкими названиями. Речка Вобля в Подмосковье, деревня Кишкино, село Козляки, незабвенный Мухосранск опять же. Так что Ставроподольск звучит на их фоне вполне пристойно.

– Хочешь, я с тобой поеду? – поинтересовался я у тетки скорее для порядка, свято надеясь, что она откажется.

– Погодите, – осененная своей идеей, Вика не обратила внимания на мой вопрос. – Но ведь в Ставроподольске есть университет! Создали его на основе педагогического, а потом объединили под крылом Нижегородского, по-моему, или Ульяновского, или Самарского – который там ближе? Теперь все это единый организм, так сказать, образовательный кластер! У них есть целое отделение филологии, насколько я помню. Пусть они и проводят экспертизу!

Но несмотря на все доводы ее рассудка, в субботу утром Виктория была официально командирована в Ставроподольск, точнее, в психушку города Ставроподольска для проведения совместной психолого-психиатрической и лингвистической экспертизы. Причина, по которой, несмотря на наличие в городе филологического факультета, ей все же пришлось совершить эту поездку, встанет перед нами во весь свой исполинский рост несколько позже.

Глава 5. Сирены наших дней

Глобальные переменны в современной культуре и социальном поведении: индивидуализация и осетвление.

М. Кастельс, «Власть коммуникации»

Род деятельности Инны не очень вязался с ее манерой выражаться:

– Прохемонтырила одну партнерку! Недолго час и остальные посыплются, – заявила она, когда объявилась накануне вечером в скайпе.

«Партнеркой» оказалась специальная программа, которая позволяет использовать скидочный промокод для покупки товара у фирмы-партнера. Речь шла о какой-то сети смузишных в Москве и Санкт-Петербурге, которая отказалась работать с Инной. Виной тому стал даже не столько шашлычный компромат, массовая отписка и отток клиентов, а тот факт, что смузишные позиционировали себя как рьяные зоозащитники и не могли простить своему партнеру появления фотографий, на которых Инна запечатлена вместе с директором лесного хозяйства, известного в городе охотника, держателя норковой фермы и мехового бренда магазинов. Стало ясно, откуда у моей клиентки тот умопомрачительной белизны и кроя полушубок: пробный выставочный образец.

– Конечно, в Европе с их хиленькой еврозимой пух-перо – хорошее решение. Но нашу зиму без соболя или куницы на плечах не переживешь, – сказала Инна, хмурясь.

– Ну вы б хоть с директором хозяйства не фотографировались тогда, – заметил я, вспоминая, что некоторое время назад по телевизору мелькали сюжеты с этой фермы, рассказывающие о том, что зверей там содержат в ужасных условиях. – Как эта фотография попала к вашему ангелу?

– Так эта фотография сделана еще до того, как я решила на йога-тренд сесть. Года три назад. Мы с Генькой тогда разводились, я искала варианты, но не срослось.

– И вы сами отправили это фото вашей дьяволице?

Инна задумалась.

– Видимо, да, я ей много разных фото отправляла, в том числе из прошлых, где я помоложе, посимпатичней, для слайдов многое могло сгодиться. Предполагалось, что она отрежет этого лесного толстопуза.

Я мысленно сделал фейспалм. Как можно быть такой доверчивой? Из-за инста-ангела Инна оказалась в положении людей, живущих на пересохшем торфянике: никогда не знаешь, как сильно и с какой стороны полыхнет. Обваливался инстаграм Инны стремительно. Само собой, она поменяла пароль, закрыла ангелу-предателю все ходы и выходы, до которых дотянулась, но раскрутка инсты, похоже, действительно скоро станет отдельной профессией, потому что Лимончик со своей стороны ожидала такого поворота событий и подстраховалась.

Сидя на Майорке, инста-дьяволица без труда перенесла часть компрометирующих фотографий и селфи Инны на сайты фирм-партнеров. Отследить все перепосты и сообщения у бизнес-леди не хватило бы ни ресурсов, ни времени.

– Надо точно знать, где искать или отсматривать все подряд, – сокрушенно вздохнула Инна, поясняя тяжесть задачи.

Этим она, похоже, и занималась: вручную шерстила всех партнеров: тех, на кого сама подписана и кто подписан на нее. Судя по синякам под глазами, одутловатости лица и слегка заплетающемуся языку, делала она это давно и в компании с винишком. В продолжение нашего разговора она попивала что-то из чашки, и, судя по тому, как пьянела на глазах, это что-то содержало не меньше двадцати оборотов.

– Инна, кто перекупил вашего Лимончика? – поинтересовался я, но она только нескоординированно мотнула головой, выказывая нехилую уже степень опьянения.

– Тебе зачем?

– Адвокату и врачу ничего не умолчу.

– Ты не адвокат. И не врач, – как-то очень двусмысленно подхихикнула Инна и, к ужасу моему, добавила: – Очень красивый мальчик.

Все, началось. Я лихорадочно придумывал, под каким бы предлогом закончить этот разговор с пьяной клиенткой, пока она не доболталась до чего-нибудь, о чем утром будет жалеть.

Но оказалось, что волновался я напрасно.

– Ты несостоявшийся ветеринар и недоучившийся филолог. – Инна пьяно рассмеялась. – До чего я докатилась! Кому расскажи: с вершин инста-пирамиды сверзилась в такую яму, что не могу нанять нормального эксперта. Возжусь с мальчишкой... – неожиданно она свернула на дорогу, которая вполне могла бы привести к нужной теме. – С девчонкой-то вон уже повозилась, доверилась на свою голову... Но теперь уж все равно. Я ведь школы в Москве вела, между прочим. Каких-то пару месяцев тому назад. Слышишь, набила полное арт-пространство в Красном Октябре... Ну да, который раньше фабрика кондитс... конитерс... ну ты понимаешь, короче, фабрика конфетная. На полу люди сидели. Художники мне вон какие слайды и картинки рисовали. Вот этот мой самый знаменитый портрет под Коко Шанель: «Только истина не имеет предела». А, каково! И взгляд у меня на том портрете уххх! Прожигающий до печенок. У меня этот был: личный бренд. Бренд, понимаешь! Сейчас же, знаешь, не хотят быть человеками, все хотят быть брендами. Ну ладно...

– Инна. – Я позвал ее и легонько пощелкал пальцами перед своим носом, как бы намекая: ближе к теме.

Инна вдруг снова расхохоталась, интенсивно замотала головой из стороны в сторону, схватила сама себя за волосы и вдруг начала тянуть и трясти головой с такой силой, словно намеревалась скальпировать сама себя. Густые вьющиеся волосы до плеч встали дыбом, сделав взрослую респектабельную даму похожей на потерявшуюся болонку, за которой больше не следит любящая хозяйка. Инна сделала громкое «бrrrrrrr», после чего посмотрела на меня если не трезво, то, во всяком случае, осмысленно. Сноровка, однако.

– Кто заказал? А ты попробуй угадать.

– Конкуренты?

Инна нахмурилась и вдруг замахала руками перед экраном, будто мое предположение было и вправду таким фантастическим.

– Ой, ну Саша, ну о чем ты? Какие конкуренты? В таком расчудесном деле, как тренинги личностного роста, нельзя без конкуренции. Щас же каждая шмара чему-нибудь да учит.

Слово «шмара» Инна произнесла с особым удовольствием и ударением.

– Шмара, я имею в виду – врушка, – тут же пояснила она. – А что, ты думаешь, я одна такая? Хрен! Я, между прочим, хоть жизнь знаю. Людей знаю, побольше многих, только специального образования у меня нет: так понахваталась везде, где можно, помоталась по свету, повидала людей. А вокруг все дипломированные, да только дуры дурами. Думаешь, не слушала я их, не подписывалась? Ха! Идиотизм один, – пренебрежительно фыркнула она и продолжила: – И как мне мои знания в этой ситуации продать? Конкуренция, как ты говоришь. Вот и начинаешь: мамочка, возьмите два листочка, на первом запишите ваши нынешние приоритеты, а на другом листочке – ваши приоритеты до рождения детей. А теперь посмотрите, что осталось. Ничего от вас не осталось, милая моя! Давай шуруй на тренинг, мы тут тебе все и объясним. Лайф-коуч это нынче называется. Так все делают. И я туда же. Но потом уже на встречах я нормальные вещи говорю – правильные.

Я внимательно слушал эту пламенную речь. Если Инна так же вдохновенно вещала на тренингах, то понятно, как достигла такой популярности.

– Раньше, до всяких этих телеграмов, инстаграмов, лучше было: сядешь с девчонками в баре, настоящих граммов нальешь да и перетрешь по душам. Теперь же, видите ли – не модно. Да и девочки какие-то другие стали. Либо носятся, как угорелые, деньги зарабатывают, либо свой силикон здоровым образом жизни консервируют. Но душевной-то теплоты, поддержки все равно всем хочется. Вот так и соберешь все эти одинокие души, и в красивой упаковке немножечко теплоты толкнешь: тут йогой оберешь, тут сушеными водорослями подвяжешь, ну и смузи сверху зальешь. Куда нынче без смузи? Вот тебе и мастер-класс готов. А они хавают, что им, как ни назови, лишь бы экологично, чистенько-миленько, в тренде и, главное, – быстро. Пять-десять минут в день на инсту – и ты в курсе событий. И сколько нас таких про-давальщиц – не счесть.

Я подумал о том, что она в чем-то глубоко права. Нет смысла ругать социальные сети с их неизменной ложью и попытками выдать желаемое за действительное. Значимость технологии и ее принятие людьми в целом является результатом не технологии как таковой. Приживется что-то в нашем капризном современном обществе или будет благополучно забыто, зависит только от того, произойдет ли присвоение нового коллективами и людьми по отдельности. Есть ли в этой культуре такая потребность или ее нет. В России не могла прижиться технология еды китайскими палочками, зато прекрасно прижились европейские вилки. То есть, другими словами, технологии приживаются, потому что оказываются связаны с главными нашими социальными, культурными и психологическими потребностями. Главным трендом инстаграма является желание человека стать брендом, значит, есть в нашем обществе острая к тому потребность.

– Как говорится, мети всяк перед своими воротами, а в чужой сорочке блох не ищи, – заметил я, показывая, что не собираюсь давать оценку правомерности ее бизнеса, а хочу получить лишь нужные для дела сведения.

– Вот, – победно подняла палец Инна и сделала совершенно противоположный вывод. – Что и требовалось доказать. Ты меня тоже осуждаешь.

Я вздохнул.

– Давайте завтра поговорим.

Инна протестующе замычала, снова сделала это свое вырезвительное «бррррр» и действительно снова чудесным образом стала трезвее:

– Нет-нет, давай сейчас. Я нормальная уже. Короче, почему не конкуренты, потому что всех конкурентов не перебьешь. Хочешь без конкурентов, иди в госуслуги или научись жрать эвкалипты.

– В каком смысле жрать эвкалипты? – не понял я.

– В прямом, ты же ветеринар.

Хитрого захода ее мысли я не оценил, и Инне пришлось пояснять, что имеется в виду пример эволюционного пути коалы, которая действительно не имеет в природе ни естественных врагов, ни конкурентов, потому что научилась переваривать твердую восковую оболочку листьев эвкалипта и тем самым оказалась абсолютно выключена из соревнования за пищевые ресурсы.

– Чтобы вести тренинги, надо знать много разной ерунды из разных областей, – усмехнулась Инна. – Для всяких неожиданных примерчиков. Вот, видишь, трезвая я.

Пришлось согласиться, она действительно умела трезветь в буквальном смысле на глазах.

– А есть еще один способ уменьшить конкуренцию, проверенный природой. Тот случай, когда размер имеет значение, – как ни в чем не бывало продолжала Инна. – Чем больше у тебя размеры, тем меньше желающих с тобой связываться. К этой категории можно было смело относить и мой «ИннаБизнес». Если хочешь, то я стала инста-слоником, признанным гуру инста-тренингов. Топить меня – только весла тупить. Знаешь, сколько я тому же Лимончику платила? Пол-лимончика за полгода.

– Что?

– Что слышал.

– За то, что она картинки в ваш инстаграм постила?

– Ага, и это еще не считая премий, если количество подписчиков и сделок резко увеличилось и представительских расходов на перелеты, когда у нас были ивенты в России. Так что перекупить моего инста-ангела мог только один человек – мой раненый на всю голову муженек Генечка.

– Зачем ему это? У него же другая семья.

Инна подперла голову руками:

– Много ты понимаешь, другая семья. Не вынесла душа поэта, я так думаю. Он-то ждал, что я на коленях приползу. А я не приползла.

– Но разве не *он сам* оставил вас с дочкой ради новой семьи?

– Он, – согласилась Инна. – Просто ты не знаешь таких, как он. Я сама-то потом только поняла, когда уже беременная ходила. Геннадию надо все контролировать. Все в его окружении должны под его подошвой валяться. Бросил – не бросил, а изволь не вставать. Ползай и унижайся.

На сегодня я решил прекратить расспросы. Версия с бывшим мужем казалась фантастической. Моя клиентка либо лукавила, либо сама запуталась и не замечала очевидного. Геннадию гораздо проще было не позволить бывшей жене разбогатеть с самого начала. Насколько я понял, изучая ее подбитый, как летчик над вражескими укреплениями, инстаграм, бывший муж поначалу даже помогал Инне раскручиваться. Например, немалую роль в открытии школы йоги сыграл тот факт, что он позволил переделать под спортзал один из своих офисов в очень удобном для этого месте: в центре спального микрорайона. Возможно, в Инне говорила обида, может быть, алкоголь, а может быть, я чего-то действительно не знал, как бы то ни было, разговор следовало отложить.

Когда она отключилась, я снова открыл инстаграм, чтобы проверить насчет спортзала, но первая же новость в моей ленте заставила меня заняться жесткой прокрастинацией.

С фотографии на меня смотрела Геля. Неопишуемой красоты глаза под нужным углом благосклонного селфи влажно светились акваарином. Вместе с другими двадцатью нашими одноклассниками я был отмечен в публикации под тегом #КОФЕЙНИК.

«Не люблю приглашений из серии: «на кофе», – писала Геля под фото. – Борясь за внимание дамы, мужчина сначала должен что-то «ах» сделать или сказать и уже потом приглашать на кофе. А вы как думаете, господа филологи? Ведь таких кофейников за день может штук пять-шесть набраться... Как распознать, кто из них прЫнц?»

Ник в Сети у Гели оказался Lakomka_Angelina.

Твою ж симфонию! Я пролистал ленту Лакомки дальше. На следующем фото Геля предстала в образе Клеопатры. Ее тонкий стан подчеркивал корсет, расшитый золотистыми пайетками и сложным узором из бисера. Под самой грудью цветными камнями выложен жук-скарабей. Корсет вызывающе оттенял рыжие волосы, которые Геля распрямила и уложила на манер египетского каре с челкой. В длинный разрез золотого подола девушка царственно выставила изящную длинную ногу.

«Помните, что обещала сделать Клеопатра с Марком Антонием, когда он в очередной раз пытался показать ей карты военных действий?» – интересовалась Лакомка и после нескольких неверных ответов подписчиков сама же отвечала: «Отрезать яйца!.. Да, да. Только не надо сейчас меня саму закидывать тухлыми яйцами ярости. Я не феминистка. Просто я филолог и могу объяснить агрессию великой Клеопатры вполне банальными различиями мужчин и женщин. Мы разные, это факт. Поэтому думаем, а соответственно говорим тоже по-разному. Например, попробуйте угадать, какие из этих фраз принадлежат мужчине, а какие женщине? Ситуация следующая: человек понял, что заблудился в городе.

- 1) «Мне нужно попасть в центр. Я двигаюсь в правильном направлении?»
- 2) «Ага, вот эта заправка мне уже попадалась».
- 3) «Похоже, где-то здесь».
- 4) «Эта карта никуда не годится, ее составлял настоящий олигофрен».

Ответы 1-й и 4-й, по версии Гели, принадлежали женщине, 2-й и 3-й – мужчине. Имелось и пояснение:

«Если женщина заблудилась в городе, то она сразу начинает спрашивать дорогу. Мужчина же воспринимает это как вызов и ищет сам до последнего. Согласны? Пробовали? А у вас как? Напишите, мне так интересно!»

На следующем фото Геля сидела перед зеркалом в спортзале в красном топике, вытянув стройные ножки в белых лосинах. «Как опишет мою внешность мужчина?» – вопрошала эта рыжая сирена, заманивая своим сладким пением все глубже и глубже в пучину своих интернет-сетей, и снова сама отвечала. «Секси. Красотка. Какие цвета он заметит? Конечно, красный и белый. А что же скажет женщина? Она скажет, что топик коралловый, лосины цвета топленого молока со стройнящим эффектом. Думаю, любая дама поймет, что лосины я надела на размер меньше, чтобы усилить эффект утяжки, и в результате немного переборщила. Ха-ха. ☺ Так ведь, милые дамы? А вы, молодые люди, сейчас видите, что лосины не белые, а топик – не красный?»

Присмотревшись, я убедился в том, что она права. Только кому до этого дело, когда ноги, топик, грудь в этом топике выглядят так, что все вокруг становится красным, сам же топик кажется настолько лишним элементом, что его цвет не хочется обсуждать вовсе.

Пост набрал более ста комментариев, где девушки и парни в равной степени изумлялись прозорливости хозяйки аккаунта, смеялись над собой, потому что большинство, так же как и я, попались.

Можно было, конечно, вспомнить листву в описаниях Тургенева, которая то изумрудная, то бледно-капустная, то густо-зеленая до черноты. Гоголевский балахон дьяка, сделанный из тонкого сукна «цвету застуженного картофельного киселя». Великих художников, большая часть из которых, как ни крути, мужчины, но в данном случае речь шла не о них, а о средне-статистических мужчинах и женщинах, и в этом смысле примеры Гели были хороши и даже по-своему остроумны. Хотя, конечно, Виктория размазала бы весь этот блог, как муху по стеклу. Особенно после объяснения вроде того, что мужчины чаще говорят о базовых элементах спектра (красный, синий, зеленый), а женщины о полутонах (коралловом, розовато-лиловом, цвете морской волны, яблочно-зеленом), потому что у мужчин только одна X-хромосома, отвечающая за формирование конических клеток глазного яблока, а у женщин их две. Но народ велся, послушно следовал за красавицей Лакомкой_Ангелиной, словно бычок, семенящий следом за рукой, которая крепко держит за колечко в носу.

Виктория оказалась права и относительно цели всей этой упрощенной донельзя гендерной лингвистики в формате инстаграма. Все это было необходимо, чтобы привлечь подписчиков к покупке некоей франшизы.

– А в чем смысл франшизы? – время от времени интересовались раззадоренные «предварительными ласками» подписчики, но хитрая Геля не кололась.

– Хочешь денег, пиши в директ! – был ее традиционный ответ.

Судя по тому, что Геля писала о лингвистике и делала это вполне профессионально, она сама приходилась себе и ангелом, и дьяволом.

Пролистывая почти ежедневные селфи Гели, я вдруг поймал себя на мысли, что страницы Гели и Инны на самом деле похожи. Да, они обе продавали товар. Но дело было не только в этом.

В отличие от Гели, Инне для привлечения и удержания внимания подписчиков приходилось проявлять больше изобретательности, и поначалу ангел с Майорки старался на славу,

подбирая для пафосных трюизмов, проходивших по категории вдохновляющих мыслей, фоны красивой респектабельной жизни.

Направьте энергию на проявление того, что еще не проявлено.

В человеке гораздо больше потенциалов, чем он может себе представить.

Например, высказывание про «потенциалы» было наложено на фото Инны, которая стояла в просторном белом платье вполоборота к зрителю в тропическом лесу, и ее макушку золотило восходящее солнце, пробивающееся сквозь кроны деревьев.

На фоне такого подхода публиковать в профиле вегетарианки и ведической женщины селфи из гастробара с пивом, прошутто, баварскими сосисками и свиной рулькой вряд ли можно было назвать хорошей идеей, как и фотографии явно подвыпившей Инны с какого-то фуршета, где она к тому же обнималась с неизвестным лысым дядькой.

В общем, поле деятельности для других инста-дьяволов представлялось более чем широким: специалист по конфликтным переговорам дерется с охраной отеля, фитнес-тренер тусит в клинике липосакции, светская львица в старом Лансере бывшего бойфренда и так далее и тому подобное.

Несмотря на разницу в возрасте, образовании, внешности, контенте, страницы Гели и Инны оказались ужасно схожи, если не сущностно, то однозначно типологически. Причиной тому было – преобладание фотографий в жанре селфи.

Открывая поочередно страницы двух своих дам сердца – одну из которых любил бескорыстно и даже вопреки, а вторую – за деньги, но оттого не менее преданно, я вдруг подумал, что инста-дьявол Лимончик не просто задала юристам и лингвистам, практикующим во времена инстаграма, сложную задачу по доказательству вреда деловой репутации. Нет. Тут дело глубже и пахнет не просто трудной задачей, а самым настоящим скандалом. То, что сделала Лимончик, тянет на настоящую семиотическую бомбу, разрыв шаблона, символический коллапс.

Инста-дьяволица покусилась не на одну только репутацию Инны. Она замахнулась на святая святых нашего времени. На сам жанр селфи. И это казалось смешным только с первого взгляда.

Я лихорадочно пролистывал страницы других блогеров и блогерш, известных и не очень, звезд и аутсайдеров, мужчин и женщин, подростков и даже совсем еще детей, которые красиво улыбались мне с бортиков бассейнов, бортов самолетов, яхт, из туалетов, с лужаек, загородных домов, тусовок, дач, рек и морей, картинных галерей... Но видел всякий раз одно и то же – менялись люди, менялась обстановка, не менялся только смысл самого селфи.

Кажется, пора перестать относиться к селфи как к простой забаве или пустому нарциссизму. Оксфордский словарь включил слово «селфи» на свои страницы всего лишь в 2013 году. Другие слова приходят и уходят, а селфи как будто было с нами всегда. Кажется, я понял, почему так произошло.

Философы считают, что мы как бы собираем свой зрительный образ, используя взгляд со стороны, взгляд Другого (сначала это родители, семья, потом друзья, коллеги по работе, близкие и дальние родственники). Мы всегда под пристальным наблюдением, но сами себя мы не видим, поэтому приходится полагаться на мнение других.

Обычная фотография – это тоже взгляд Другого. Если вам не нравится, как вы выходите на фотографиях, сделанных вашими друзьями и знакомыми, то повода для беспокойства нет. Это как раз нормально. Другой видит нас по-другому и пытается навязать нам тот чуждый нам образ из собственной головы. Зато, снимая селфи, мы сами выбираем ракурс, сами определяем фокус и то, как мы в конечном счете выйдем. Глядя на наши селфи, Другой смотрит на нас нашими глазами, и это, пожалуй, самая успокоительная практика современных технологий.

Селфи как способ показаться миру таким, каким ты видишь себя сам, ожидаемо занял первое место в рекламе и саморекламе. На всех этих многочисленных снимках запечатлены

не люди, не места, не события, на них запечатлена неизменность символа. В огромном разнообразии повторяющихся форм селфи показывало всякий раз одно и то же – правду человека о себе, то, как он сам себя видит, каким хочет казаться окружающим в данный момент в данное время. Вот почему селфи несовместимо с клеветой. Очень непросто будет в суде по делу имущества доказать, что, сидя в ресторане вместе со своей любовницей, вы нажимали на кнопку фотоаппарата против своей воли. Или как в случае с Инной – поедали шашлык, пили алкоголь и носили шкуры животных.

Вот почему Инна практически мгновенно лишилась подписчиков и всего своего бизнеса.

Мы давно перестали верить СМИ, текстам, фотографиям и репортажам, единственное, что пока остается неизменно честным, – правда, рассказанная о себе в селфи.

Селфи – это, если хотите, икона нашего времени. Возвращение к идее древнерусской живописи. Только там образ красоты был защищен самим Богом, который готов воплотиться и явить свой лик человеку, а сейчас – самим человеком, автором селфи, и в этом его человеческое право. Бинго!

Теперь еще это все следовало как-то сформулировать и донести до суда. Потому что такого вида ущемления прав человека история юриспруденции, кажется, по сей день не знала.

Глава 6. Утро красит нежным светом

– Обратите внимание, Гаврила Ардалионович, о чем думают современные дети.

– А чё такое, о том же думают: сиськи-письки.

– Да, вы правы, но посмотрите, какой динамической любовью к жизни наполнено каждое слово: хочу бабу потолще. Коля М.

Князь Мышкин, «Даун Хаус»

Если вы житель обычного многоквартирного дома, то кроме омерзительного треньканья будильника или кошачьей задницы на вашем лице вас может разбудить множество разных интересных звуков и сопровождающих эти звуки событий. К их числу относятся: установка новой железной двери у соседей снизу, купленный жителем первого подъезда мотоцикл без глушителя, утренняя дискотека у соседей сверху, второй день чьей-то свадьбы, девятый день чьих-то похорон и многое другое, бытовое, житейское, временами потустороннее. Но в это утро способ, которым я был разбужен, не походил ни на один из перечисленных.

Я открыл глаза с явным ощущением, что меня взломали, как плохо защищенный интернет-сервер, выпотрошили мозг и теперь пристают с катетером к уху, дай, мол, доктор сцедит остатки. Мне снилось, что кто-то подарил мне золотой слиток с автографом Достоевского, и я весь сон мучился, продать слиток или оставить автограф себе. Сон напоминал сразу все безумные сюжеты самого Федора Михайловича, а также ремейки на великого правдоборца и мастера по явлению взору изнанки человеческих душ.

Едва приоткрыв дверь спальни, я был чуть не сбит с ног: мимо меня стремительной лоснящейся торпедой пронесся Филипп, которого на ночь я обычно закрывал в коридоре как раз по причине слишком уж бесцеремонной пятой точки, о которой уже писал. Кот стремительно и ловко упаковался в нагретое моим теплом одеяло, оставив торчать наружу только перепуганные ядовитого желтого оттенка глаза. Мы обменялись взглядами.

– Ты чего?

Кот многозначительно молчал, косясь на входную дверь, которую как раз было видно с его места.

Предчувствуя неладное и уже понимая, что я не просто так проснулся ни свет ни заря, я сделал шаг в коридор и почти физически ощутил, что за дверью кто-то есть. Этот кто-то в отличие от моих соседей вел себя очень-очень тихо, стараясь не топтать и, кажется, даже не дышать. Минута, какое-то шевеление, и в крохотной щели между дверью и полом появился край белого конверта.

Я обернулся к Филиппу, но он уже спрятал нос в одеяло, оставив меня разбираться с проблемой один на один. В подъезде раздались шаги и чьи-то тихие голоса. В приоткрытое окно донесся свежий хлебный запах с хлебозавода по соседству, но от этого знакомого, утреннего, всегда радостного, полного жизни запаха мне вдруг впервые стало тошно. Наконец я нагнулся и вытащил конверт.

Внутри был бежево-розовый лист с изображением каких-то улыбающихся детей, птиц и зверей. Лица были мне незнакомы.

«Доброе сердце» – лагерь для девочек», – красивым шрифтом была выведена первая строка.

Я пробежал сообщение глазами:

«Хотите, чтобы ваша девочка стала счастливой и успешной, тогда отправляйте ее к нам: в лучший детский лагерь средней полосы России.

За пять лет мы сделали счастливыми более тысячи девочек и их родителей».

На обратной стороне было еще лучше:

«Доброе сердце» – это:

- 5 дней в загородной роскошной вилле с 4-разовым вегетарианским питанием;
- Подогреваемый бассейн и вечеринки в нем;
- Театральные и психологические тренинги на развитие дружбы, самооценки и доверия;
- Ежедневные квесты;
- День стиля и красоты: мастер-классы по фотопозированию, дефиле, макияжу + фотосессия.
- Танцевальные флешмобы и концерты;
- Хендмейд-занятия;
- Мастер-класс по мехенди;
- Занятия по комплиментологии – умение красиво говорить, обаять и понравиться нужным людям.

Для девочек от 5 до 13 лет.

Для того чтобы узнать больше или записаться на свободную смену – напишите нам в мессенджер».

Еще чуть ниже разместилось предложение: «Хочешь франшизу раскрученного бизнеса от школы «Доброе сердце»? Звони срочно!»

То ли спросонья, то ли из-за абсолютной невменяемости послания я никак не мог сообразить, с какого перепугу мне с утра пораньше принесли это письмо, адресованное родителям будущих каких-то... мехенди? Которые на «Роскошных» виллах с вегетарианским питанием будут, видимо, готовить себя прямиком в клиентки таким бизнес-леди, как Инна.

Просто какой-то мастер-класс-конвейер: от нуля и до гробовой доски.

Я специально повертел карточку, сравнил даже номер вайбера с номером Инны, но данные не совпали. Судя по тому, как часто произносилось в последнее время слово «франшиза», недалек тот день, когда перед походом в душ мне будут предлагать приобрести франшизу на пользование тапочками, трусами и полотенцем.

Кот уже преспокойно спал, высунувшись из одеяла, как креветка из своего панциря. Его успело приятно растомить в теплом коконе, и на морде, которая ушами упиралась в постель, красовалась милая улыбка довольного собой негодяя. Филипп приоткрыл один глаз и посмотрел с выражением: «Ну чего тебе?»

Показав ему рукой, чтобы потрудился собрать свое шерстяное великолепие и отступить с занятых позиций, я собирался было снова лечь, как в дверь постучали. Видимо, разносчикам рекламы показалось мало эмоционального вихря, стратегически заложенного в текст объявления, и они решили собрать мнения, не отходя от кассы.

Я скомкал бумажку, сдвинул кота и улегся на свое прежнее место. В таких случаях самое разумное – сделать вид, что ты умер от счастья, узнав о столь выгодном предложении. Однако в этот раз не помогало. Стук не прекращался. Звонка возле моей квартиры не было, и старая хозяйская, обитая еще советским дерматином дверь сотрясалась и жалобно хлюпала, словно рыдающая малолетка, которую насильно обряжают в розовые банты и отправляют на загородную виллу к современной Мэри Поппинс.

Подойдя к двери, отчетливо проговорил:

– Идите в жопу со своими виллами и бассейнами, хреновы педофилы!

Звуки стихли. Кто-то на каблуках потоптался возле двери и внезапно пнул дверь так, что «малолетка» аж пукнула от неожиданности.

– Все, я звоню в полицию! – сказал я в небольшую щель между замком и дверным косяком, образовавшуюся из-за того, что дерматин в этом месте оттопырился, словно брыли у старого бульдога.

– Открывай, это я, чтоб тебя разорвало и развеяло! – раздался из-за двери голос Виктории.

Глава 7. Буря в миске каши

Чем меньше женщину мы любим, тем больше нравимся мы ей.

А. С. Пушкин

– Какие еще педофилы? Во что ты опять ввязался? – зло проворчала Вика, без церемоний проходя в комнату.

Вид у нее был уставший и изрядно помятый. Светлые волосы она сцепила резинкой в растрепанный неаккуратный хвост. Макияж поблек и, видимо, не обновлялся со вчерашнего дня.

– Гады, – только и проговорила тетка, скинула пальто и прямо в одежде забралась в постель, чем моментально воспользовался Филипп, уютно придвинувшись к ней под руку и водрузив голову на плечо.

– Что это значит? – поинтересовался я, в момент лишившись и возможности поспать лишний час перед парами, и морального превосходства над собственным котом, который вызывающе-нагло глянул на меня с теткиного плеча и тут же прикрыл глаза, изображая, как ему блаженно-сладко в теплой кровати под опекой защитницы.

– Ты же все равно сейчас в университет. А я тут у тебя бурю пересажу, точнее, переплюю, – зевая проговорила Виктория, явно собираясь немедленно осуществить озвученное.

– Какую еще бурю? И как там маньяк? Ты видела его?

Тетка посмотрела на меня из-под прищуренных век.

– Видела, но это не он, – сказала она, откинулась на подушку и сделала вид, что моментально заснула.

– Э-э-э, погоди! – До меня начало доходить, о какой буре она ведет речь и чего ради притащилась спать ко мне, вместо того чтобы отправиться в свою гораздо более комфортабельную кровать.

– Ты не подписала?

– Нет, не подписала, – не открывая глаз, проговорила Виктория.

– То есть ты считаешь, что они задержали не того? А маньяк на свободе?

– Ну-у-у, с очень большой долей вероятности это так, – сказала Вика и взмолилась: – Слушай, я не спала всю ночь, тряслась в автобусе, они отменили служебную машину, уламывали подписать, как есть. Дай поспать, потом расскажу. Кашу они там заварили такую, что за пять минут не съешь, тьфу... то есть не расскажешь.

На этот раз она действительно заснула, как только коснулась головой подушки.

«Сегодня у меня появился первый партнер, если вы понимаете, о чем я!!!»

Зашел в блог Гели. Собственно, мне не нужно было делать что-то специально, чтобы там оказаться. Ее блог теперь выскакивал в инстаграме первым. Геля активно раскручивалась, используя все инструменты: от сторисов до тегов и прямых трансляций. Например, сейчас мне предлагалось подключиться к ее утреннему прямому эфиру под названием «Ах, эта гадкая молодежь: с кашой съем!!!».

Умела она создать интригу, что и говорить. Закон парных случаев работал: слово «каша» стало триггером. Я подключился.

– Привет, Саша, – моментально заметила меня Геля.

Помахав ей в ответ, я прошерстил других участников. На счастье, никого из знакомых не было, кажется, кто-то из параллельной группы, остальные – люди из сети. Я обратил внимание на то, что следом за мной к эфиру подключились еще двое, но их Геля не удостоила персональным приветствием.

– Ну, кажется, можно начинать, – проговорила девушка полупшепотом. – Я буду говорить чуть-чуть тише обычного, потому что у меня дома еще все спят. Вы не против послушать сегодня блог в формате АСМР? Немного пошуршим интеллектом.

Она подмигнула в экран, и мужская часть аудитории выплеснула в чат мультяшными сердцами и лайками, намертво прилипнув к своим смартфонам. Нельзя, нельзя слушать голос Сирены ранним утром, когда ты особенно впечатлителен, но куда там.

– Смотрите-ка, что тут у меня! – продолжала Геля, держа в руке коробку из-под каши. Медленно все тем же сексуальным голосом она начала читать: – Предлагаем вам насладиться роскошным и незабываемым вкусом супербыстрорастворимой каши, с кусочками нежнейших мегафруктов и царским великолепием шоколадного топпинга. НАША КАША для сногшибательной энергии и витаминного заряда!

Геля сделала большие глаза на камеру и проговорила как будто в замедленной съемке: «Что-о-о?»

– Друзья мои, я учусь на филолога и от своих преподавателей часто слышу, что молодые маркетологи не в себе, раз пишут такое. Ну правда, как-то чересчур, ведь правда? Как будто человек махнул рюмашку, прежде чем сел за составление этой аннотации. Слишком много роскоши, гипер, мега, супер. Позитив так и прет, а речь всего лишь о какой-то кашке-малашке. Филологи считают, что это результат пагубного влияния рекламного дискурса, но у меня есть своя версия. И небольшой аргумент в защиту молодежи.

Геля сделала смешное лицо, которое говорило, что аргумент в общем-то так себе, но она старалась.

– Смотрите, мы с вами – поколение интернета. Так?

Она попыталась вычислить, кто из слушающих родился в эпоху до интернета, но таких на трансляции то ли не оказалось, то ли они не захотели признаваться. К слову сказать, всего Гелю слушали в это утро около пятидесяти человек. Неплохо для утренней зарисовочки про кашу!

– Главное правило общения в сети гласит: передача эмоций так же важна, как передача смысла, – продолжала Геля, взяв тон слегка посерьезнее. – Эмодзи, картинки, значки, мемы – все это обязательно для коммуникации в сетях и является непременной частью стратегии самопрезентации. Да, так это называется, если по-умному. Молодежь уже не может думать без графически оформленных сетевых средств. А массив просто текста, написанного слева направо, кажется многим безликим. Проведем эксперимент. Переведем рекламу нашей каши на интернет-язык...

И она застрочила в чате:

☐ роскошная каша ★ каша ☐

☐ кусочки нежнейших мегафруктов ★ фрууу-
уукты

☐ царское великолепие шоколадного топпинга ★
топпинг ☒ ☒ вау!!

И вот вам коммент в интернете:

«Народ, отличная каша ☒: фруууууукты + топ-
пинг (шоколад) ☒ ☒ ☒»

– Теперь нормально звучит?

В чат посыпались лайки, плюсики и веселые рожицы.

– Вот и я считаю, что нормально. Помните дуб у Льва Толстого, который вдруг почувствовал силы жить, поддавшись очарованию весенней природы? Так и с нашим русским языком. Вроде бы древнее старое дерево, а новые сучья растут и растут! Покупайте франшизу «Счастливая жизнь», у нас уже все готово для вашего заработка. Пишите в директ, всему научу! И тому, как общаться с молодым поколением в том числе! Посмотрим на язык да и саму нашу жизнь под другим углом!

Посыпались новые плюсы. Но выпрыгнули и несколько дизлайков и даже возражение:

– Супербыстрорастворимая каша – это от создателей «масла масляного», «полного аншлага» и «воротиться назад». Чему учите, девушка? Русский язык поганить?

Геля прочитала комментарий и сделала серьезное лицо.

– Негодование ваше понятно и обоснованно. Мне тоже не нравится чрезмерный позитив и преувеличение в сфере продаж. Но я считаю, что надо уметь найти общий язык с человеком из любого поколения и стремиться понять природу ошибок в его речи.

– Вы только что написали, что это звучит нормально, – не унимался хейтер с фотографией ученого кота на аватарке.

Геля сделала паузу, возможно, планируя послать чувака в бан, может быть, собиралась с мыслями, но я опередил ее.

– По-моему, все верно говорит Ангелина, ловит тренды, – написал я и закинул в переговорное окно чата наскоро сфотографированную рекламу рАскошной вегетарианской виллы для девочек-мехенди.

– Что это? – скинули вопросы сразу несколько человек.

– Аха-ха, – подписались еще пара-тройка.

Пришлось расшифровать свою мысль. Пока подписчики Гели возмущались и недоумевали, я начертил от руки таблицу, снова сфотографировал и переслал. «Согласно версии Ангелины, автор имел в виду следующее».

Обычный лагерь ☺	Лагерь на вилле ☑
Несчастливая девочка Неуспешная девочка ☹	Счастливая девочка Успешная девочка ☺

– Аха-ха, спасибо, Саша! – ответила Геля и тут же не упустила случая пропиариться за мой счет. – Между прочим, Саша – мой одноклассник, занимается лингвистической экспертизой текста, его оценка очень важна для меня!

«Хитрая какая лисица», – не без удовлетворения отметил я про себя.

Геля как раз благодарил всех за участие, Ученый кот больше не высывался. Лайкеры торжествовали. Буквально через минуту я получил сообщение в личку: «Спасибо за поддержку! Может быть, насчет кофе я погорячилась».

Теперь была моя очередь писать гиперболизированно: «что-о-о-???», но так я писать, ясное дело, не стал. Геля явно не из тех, чье внимание легко завоевать. А вот спугнуть – как раз очень просто. Если и завяжутся какие-то отношения, то похожи они будут на поединок и сделку одновременно. Что ж, не могу сказать, чтобы я был против.

Помня о знаменитом пушкинском правиле: «Чем дальше пнешь, тем ближе прикатится», я отправил красавице только смайлик в темных очках. Буквально на следующий день выяснилось, что пушкинское правило действует не только в любовных отношениях.

Глава 8. Парцелляция

*И совсем уж неприлично, что сказал нам прокурор.
Народная полицейская песня*

– Ну, старуха, ты приехала! – само собой Борису не составило большого труда догадаться, где искать своего эксперта, фактически сбежавшего с места проведения следственных действий, не забыв попутно развалить слаженное и уже готовое к передаче в суд дело. Своим стратегическим перемещением в мою квартиру Виктория выиграла не более получаса. Сейчас она сидела, свесив с кровати голую ногу, и взирала на следователя сонными невинными глазами.

– Так меня еще никто не подставлял! Не думал, что именно ты станешь первой, – продолжал следователь, в ярости расхаживая по комнате.

Выглядел он в это раннее утро не просто уставшим или невыспавшимся, а, я бы сказал, обугленным, как головешка из горевшего всю ночь костра.

– Я сегодня с трех утра начал принимать «благодарности» из Ставропольска.

– Старопердольска, – передразнила Виктория.

– Очень смешно! – разъярился Борис. – Меня попросили предоставить эксперта, который не напортачит, грамотно и быстро закрепит доказательства, и что они получили? В инстаграме в сторис кто-то из летёх уже даже выложил вопли прокурора на утреннем заслушивании.

Пока я прифигевал от осознания, что и у прокурорских нынче есть инста (надо, кстати, подписаться, послушать эту арию о разваленном деле), Вика успела обидеться.

– Здравствуй! Если кто и приехал, то это не я, а вы, – проговорила она, немного хрипя со сна. – По-быстрому закрепить доказательства – это не ко мне, ты лучше других знаешь. Я больше насчет того, чтобы установить обстоятельства, проверить факты.

– Вот спасибо тебе на добром слове...

– Да не за что, – прервала его Вика, сделав вид, что не заметила иронии. – Я уже все написала в своем заключении, но еще раз готова объяснить тебе лично, раз так переживаешь. Тот псих, которого они поймали, в своей устной, а особенно в письменной, речи регулярно использует парцелляцию. Причем это не просто парцелляция, как у какого-нибудь Блока «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека». У этого Алексея Шляпника – дал же бог фамилию – речь парцеллирована с нарушением синтаксических норм, такое очень непросто симулировать. Тот же человек, который писал жалобы в инстанции и угрожал от лица выдуманных персонажей, имеет речь вообще без этого признака. Без намека даже. Извини меня, конечно, но это два разных человека.

– Но психиатры сказали...

– Да, может быть, у Шляпника и у кверулянта, написавшего письма, расстройство того же типа, – снова прервала Виктория. – По клинической картине все сходится: шизофрения в стадии обострения, галлюцинации, голоса, бред величия, свихнутость на установлении справедливости, но это два разных шизофреника.

– То есть ты хочешь из-за нескольких точек в предложении опровергнуть экспертное заключение психиатров, следственный эксперимент и даже признательные показания самого подозреваемого?

– А тебе этого мало?

Борис невесело рассмеялся.

– Да, конечно, прямо сейчас позвоню в Ставропольск и сообщу им, что вся их работа не стоит выеденного яйца, потому что тут одна русичка утверждает, что неправильно расставлены знаки препинания.

– Русичка говоришь? А помнишь дело такого белорусского маньяка с красивым именем Михасевич Геннадий Модестович, на счету которого с тысяча девятьсот семидесятого по тысяча девятьсот восемьдесят седьмой год оказалось свыше сорока убитых по причине того, что не поверили молодому эксперту-графологу, показавшему на Михасевича на ранних этапах следствия? Чуть ли не на первом же трупе этот графолог был готов закрыть Геннадия Модестовича... а вместо этого почти полсотни жертв!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.